

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ**

ПРЕПРИНТ

А.П.КИЛИН

**ЧАСТНОЕ ТОРГОВОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПА**

ЕКАТЕРИНБУРГ

1994

ВВЕДЕНИЕ

Справедливо претендуя называться научной дисциплиной, история, в лице своих приверженцев, стремится выявить закономерности в развитии человеческого общества. Таковые можно обнаружить в процессе сравнения различных периодов истории, в сопоставлении судеб народов и стран.

День сегодняшний насыщен событиями и дает богатую пищу для размышления всем представителям гуманитарной науки. Исторiku во всем происходящем на его глазах видятся черты эпохи первоначального накопления капитала, периода, который европейские страны миновали в далеком прошлом. Если обратиться к менее отдаленной ретроспективе, то предстают картины становления буржуазных отношений в России XIX-XX веков и совсем «недавние» образы нэпа.

Исследование проблем частного предпринимательства в России в различные исторические эпохи, в частности во времена новой экономической политики - тема сегодня чрезвычайно актуальная или, если хотите, конъюнктурная - все зависит от отношения к ней, от серьезности научного подхода. Свое внимание мы сконцентрировали на торговле не случайно. Как правило, эта сфера деятельности в наибольшей степени привлекала частного предпринимателя. Ее роль в критические периоды истории необычайно возрастает, так как торговля обладает свойством впитывать огромные массы людей, позволяя им адаптироваться к изменяющимся условиям. В период кризиса сфера распределения дает сбой в первую очередь. Потеря государством контроля над системой экономических связей компенсируется частной инициативой. На смену привычным легитимным отношениям приходит принцип борьбы за существование, где выживает сильнейший, но отнюдь не самый законопослушный гражданин. Таким образом, перед ученым встает проблема изучения первоначального накопления капитала, в частности - характера перераспределения государственных средств в пользу частника.

В более общем плане, нами делается попытка рассмотреть характер взаимоотношений гражданина, в лице частного предпринимателя, и государства. Бесправие личности и всемогущество государства в России видится с наибольшей отчетливостью в тех случаях, когда человек занимает активную позицию - делает дело. Опыт нэпа дает возможность проследить эту закономерность. Интерес представляет и политика государства в отношении частного

предпринимателя как субъекта экономической деятельности, опыт (к сожалению, как правило, негативный) управленческих решений в отношении мелкого бизнеса.

Важной проблемой сегодня является изучение предпринимательского менталитета. Новый предпринимательский слой в современной России находится в процессе становления. Он нуждается в возрождении традиций, являющихся надежным фундаментом для будущего развития. Новый слой ощущает потребность в осознании прошлого опыта, пытаясь избежать ошибок предков. В России такого рода «товар» всегда являлся дефицитом. Дело в том, что наиболее активные и предприимчивые граждане, решившие начать свое дело, были, как правило, выходцами из низших социальных групп и сословий царской России. Таким образом, слой предпринимателей ощущал себя маргинальным по отношению к устоявшейся системе социальной иерархии. Предпринимателям в России был присущ постоянный поиск своего "Я", своих основ. Одновременно, следуя логике выживания, они стремились адаптироваться к существующему социальному организму, вписаться в него. Это закономерно приводило к деформации предпринимательского класса, так как феодальная структура России играла роль «прокрустова ложа». Рожденное этим положением, ощущение двойственности было присуще многим представителям делового мира, будь то купец, нэпман или бизнесмен. Интерес к данной теме, побуждает нас сделать попытку нарисовать портрет частного торговца 20-х годов XX века.

Поставленные нами задачи предопределили хронологические и территориальные рамки данной работы - это Уральская область в 20-е годы XX века.

В процессе исследования мы по преимуществу обращаемся к литературе 20-х годов, которая в изучению частника в меньшей степени, чем вся последующая историография, идеологизировала предмет исследования. Работы написанные позднее, в 30-х годы, концентрировали свое внимание исключительно на идеологических моментах, рассматривая частника и государства под углом зрения борьбы добра со злом, что объективно выводило их за рамки научного познания. В конце 80-х - начале 90-х годов, когда отношение к рынку коренным образом изменилось и вошло в согласие со здравым смыслом, появились работы по новому освещающие период нэпа. Новейшей историографии также уделено внимание в предложенном репринте.

Таким образом, новизна авторского подхода заключается в осмыслении опыта нэпа с позиции приемлемости рыночных отношений, с попыткой акцентировать внимание на социально-психологических аспектах. Такого рода подход должен вызвать интерес к данной работе не только историков, но и широких слоев читающей публики. Очевидно, что в последнее время история стала одной из наиболее значимых и заметных научных дисциплин, наиболее общественной. Она привлекает внимание практически всех, так как все граждане России переживают процесс осмысления прошлого своего Отечества. К тому же, практически все россияне вольно или невольно, пассивно или активно являются участниками эксперимента - процесса превращения командно-административной модели экономики в рыночную. Проблемы сегодняшнего дня, таким образом, позволяют особенно проникновенно ощутить боли и заботы человека, жившего в 20-е годы. Надеемся, что читатели, в свою очередь, найдут в этой работе много интересного для себя, получают ответы на волнующие их вопросы.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ УРАЛА В СИСТЕМЕ СВЯЗЕЙ НЭПОВСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Начиная с 1921 года, страна переживала период экономических экспериментов, период обострения политической борьбы по вопросам о дальнейшем пути развития России. Этот этап вошел в историю под аббревиатурой НЭП - "новая экономическая политика". Как таковой целостной политикой этот период не ознаменовался. Были определенные шаги в направлении признания различных форм собственности, легализация частного предпринимательства, и в тоже время - отступление на позиции жесткого государственного регулирования, экономической диктат, граничащий с вымогательством.

Разрешительная политика государства в отношении частного предпринимательства, выразилась в признании за ним права заниматься хозяйственной деятельностью, дала возможность государственным органам взаимодействовать с частником. При помощи частной инициативы появилась возможность решить экономические проблемы экономическими методами. Государство вынуждено было искать пути выхода из кризиса и идти самым оригинальным, нетрадиционным путем - допустить рыночные отношения. Это против-

речило декларируемым принципам, но позволяло государству выполнять свою основную функцию как аппарата управления.

В этом отношении показательна мысль Ю.Ларина: "Отдыхающее после долгой войны хозяйство страны стало быстро подниматься *в привычных для мелкобуржуазного большинства населения товарно-рыночных формах.* (выделено нами - К.А.) Допущение буржуазного предпринимательства было неизбежным не столько вследствие недостатка у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу неумения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах." (1)

Если под «нашими» в этой цитате подразумевать руководство страной - большевиков, то противопоставление позиций правительства и граждан налицо. Идеологические установки, которыми руководствовались при построении нового общества, однако, оказывались сильнее реальности. Задача, поставленная коммунистически настроенными лидерами, - отучить народ от товарно-рыночных отношений, полностью полагаться на помощь государства - была позднее успешно выполнена. Происходящий ныне процесс диаметрально противоположного направления идет с большим трудом. Утраченные традиции восстановить в полном объеме можно лишь через поколения. В ситуации 20-х годов, когда государство было не в состоянии контролировать рыночные механизмы, не всегда полностью понимая их природу, частник «ловил рыбу в мутной воде», по максимуму выжимая из госсектора средства и ресурсы. Нам представляется, что никто из крупных предпринимателей не рассчитывал на то, что нэп - это всерьез и надолго, так как им неоднократно приходилось убеждаться в обратном, сталкиваясь с противоречивыми мероприятиями правительства.

Период национализации, экспроприации, проходивший под лозунгом «Грабь награбленное!», сменился обратным процессом. Государство диктатуры пролетариата не смогло освоить всю ту собственность, которую оно приобрело за период красногвардейской атаки на капитал. Пришло время, вольно или невольно, делиться с «бывшими» ресурсами, собственностью, финансами. Командные высоты, оставаясь в руках государства, позволяли осуществлять, время от времени, репрессии в отношении частника. Однако высоты были очень далеки от практических, каждодневных нужд населения, которое наиболее часто реализовывало свои потребности на рынке. В 20-е годы мы вновь сталкиваемся с традиционным для России способом «делать деньги». Процесс накопления

частных капиталов происходил, во многом, за счет государства. Мировой опыт знает немало примеров подобного рода. Так, в период сухого закона: в США солидные состояния сколачивались на контрабанде спиртными напитками. Более близкий пример - Россия рубежа XIX -XX всков, когда первоначальное накопление происходило за счет казны. (2)

Пронсходившее в годы нэпа частно-капиталистическое накопление, в отличие от дореволюционной эпохи, имело существенные особенности. Как отмечал советский экономист И.Мингулин, "это накопление весьма неустойчиво, оно в большинстве не оседает в каких-либо солидных, прочных формах. Капиталы быстро накапливаются и еще быстрее исчезают. Поэтому частный капитал отличается весьма большой текучестью. В этом наше преимущество перед ним и одновременно наша беда. Частный капитал делается весьма трудно учитываемым. Составляя по своему удельному весу небольшую величину около 10% всех капиталов промышленности и торговли страны (1,6 млрд.руб. частных, при 17 млрд.руб. капиталов обобщественного сектора для 1926/27 гг.), частный капитал по своему значению занимает значительно большее место." (3)

Отметим, что учесть точную сумму частного капитала не представляется возможным как в силу нелегальной деятельности предпринимателей, так и из-за отсутствия отлаженной системы контроля. Экономисты, современники этих событий, путем сложных умозрительных заключений приходили к самым разнообразным результатам. По оценке Ю.Ларина, частный капитал по стране к 1921 году располагал суммой приблизительно в 150 млн.руб. (4) Эти средства считались более чем скромными и крайне не-достаточными для привлечения к социалистическому строительству, с одной стороны, но свидетельствовали о значительной победе пролетарского государства в экспроприации капиталов, с другой. Урал же практически оставался без частных капиталов как в силу своей яркой революционности, так и вследствие сложившейся диспропорции в структуре производства.

К отличительным чертам Уральского региона относился дефицит капиталов. Неблагоприятный инвестиционный климат был характерен для края отнюдь не только в советскую эпоху. Специфическая, заданная промышленная ориентация этого горного региона отводила ему роль металлургической базы страны, с развивавшимся впоследствии на этой основе машиностроением. Большие территории и наличие богатых месторождений полезных ископаемых в Рос-

сии давали возможность выбора для размещения тех или иных производств. Во многом это предопределило диспропорцию в экономическом развитии Урала, выразившуюся в явном перевесе отраслей тяжелой промышленности, с одной стороны, и недостаточном развитии легкой индустрии, с другой.

Как известно, основой для первоначального накопления являются отрасли легкой и пищевой промышленности, имеющие большую оборачиваемость капиталов. Тяжелая промышленность выступает как потребитель средств, дающая эффект со значительным временным лагом. Именно поэтому для Урала характерно состояние близкое к инвестиционному вакууму. Существование уральского хозяйства во многом зависело от государственной поддержки. Не обладая достаточной мобильностью в периоды экономической стагнации, внешние субсидии для Урала были необходимы. В силу же сложившейся моноцентричности России, большинство средств с периферии стекалось в европейскую часть страны, в столицу.

Очевидно, что политически коллизии, протекавшие в начале XX века, негативно влияли на экономику. По окончании гражданской войны, принесшей с собой разруху, порой полную разбалансировку хозяйственного механизма, ситуация с наличными капиталами еще более усложнилась.

Вывоз капиталов должен был начаться еще до революции, когда нестабильная ситуация заставляла обращать денежные средства в портативные ценности - золото и драгоценные камни. Эти сокровища удобнее было скрывать, а при необходимости - оперативно вывезти как в другие регионы, так и за границу. Основной удар по частному капиталу нанесла национализация. Капиталистические элементы, не успевшие вывезти или скрыть свое имущество, были разорены. Политический хаос времен гражданской войны, экономическая нестабильность вновь вынуждали отдавать предпочтение портативным ценностям. Отметим, что процесс обращения денежных средств в сокровища на Урале был предельно облегчен, так как места добычи золота и драгоценных камней находились здесь же.

На Урале, в его промышленных центрах, и до революции ощущалась потребность в продукции легкой промышленности. Регион в значительной мере зависел от ввоза из других районов страны. Только 1/4 - 1/3 часть потребляемых уральским населением товаров являлась местной продукцией. (5) Следовательно и нагрузка, приходившаяся на торговый аппарат, в связи с большими расстояниями между производителем и потребителем, была велика.

С разрушением общероссийского рынка в годы первой мировой войны, Урал очутился в очень сложной ситуации. Мещочничество периода военного коммунизма не в состоянии было полностью удовлетворить потребности населения. С введением новой экономической политики, ситуация прогрессировала медленными темпами. Сказывалось отсутствие капиталов и объектов легкой промышленности, пригодных для инвестирования. Как и до Октября 1917 года, в период нэпа наскоро сколоченные путем хищений и иных нелегальных методов капиталы, уходили в центральные районы страны, насыщенные предприятиями легкой промышленности. С точки зрения обогащения, тяжелая промышленность не привлекала частных инвесторов. Во второй половине 20-х годов острота проблемы снабжения не была преодолена. 71% продукции ценовой и 62% всей уральской промышленности в 1926/27 гг. приходились на производство средств производства, а следовательно снабжение широкого рынка было связано с уральской промышленностью весьма слабо. (6)

С принятием курса на индустриализацию - проблема снабжения Урала товарами широкого потребления еще более обострилась. Увеличение капиталовложений в тяжелую промышленность региона привело к значительному росту городского населения, к увеличению денежной массы, скапливающейся у рабочих предприятий и не находившей применения. Сфера легкой и пищевой промышленности развивалась исходя из остаточного принципа и постепенно деградировала. Если до Октября большая часть услуг приходилась на частный сектор, то в первые годы советской власти он был лишен возможности функционировать с полной отдачей. Нэп дал возможность развиваться частной инициативе.

Сложившаяся в начале 20-х годов ситуация в экономике, отводила роль источника накопления частного капитала государственному сектору, а наиболее оптимальным каналом для подобного рода перекачки являлась торговля. Отсутствие отлаженной системы снабжения и сбыта, налаженных связей в государственном секторе поднимали значимость частного посредника.

Торговля давала максимальную скорость оборота капитала, не требовала крупных первоначальных затрат, была мобильна в плане охвата потребителей. В условиях товарного голода практически любой товар находил сбыт. Ведение торговой деятельности было возможно при максимальной тайне, что, в свою очередь, создавало условия для сокрытия доходов и неуплаты налогов. Торговую

деятельность было столь же легко прекратить, как и начать. В условиях инфляции резко возрастает роль бартерных операций и имеющийся на руках товар является более надежным средством платежа, нежели обесценивающиеся денежные знаки. Для занятия торговлей не требуются и значительные профессиональные навыки.

По этим причинам торговля привлекала максимальное число желающих заняться собственным делом в период экономической нестабильности. Зачастую лишь в торговле человек мог найти средства к существованию, так как безработица является атрибутом кризисных этапов истории. Все эти положения, характеризующие торговлю, достаточно убедительно иллюстрирует существующая реальность.

Отсутствие советского, то есть полностью контролировавшегося государством, торгового аппарата выдвинуло на первый план частного торговца, а следом за ним - поднимаемую усилиями властей кооперацию.

Роль торговой деятельности трудно переоценить. Она осуществляла связь различных секторов экономики: государственного, кооперативного и частного; промышленности и аграрного сектора; производителей и потребителей. При этом, чем меньшей стабильностью характеризовалась ситуация, тем более оперативно и гибко должна была функционировать торговля. На эти моменты неоднократно обращали внимание современники. Так, например, М.М.Жирмунский в своей монографии отмечал: "Условия падающей валюты, затруднявшие калькуляцию и приводившие к невозможности для промышленности угодиться в своих отпускных ценах за растущей себестоимостью, хронический и редкий недостаток в оборотных средствах, оторванность от провинциальных рынков, вынуждавшая промышленность работать на территориально ограниченных рынках - все это, в своей совокупности, ставило промышленность в еще более тесную зависимость от рынка... Гегемония торгового капитала над промышленным явилась той основной причиной, благодаря которой убытки промышленности... делались, в значительной степени, прибылями частного торгового капитала." (7)

В более общем плане, роль торговли как связующего звена для нашей страны особенно велика. Она predetermined, во многом, геополитической ситуацией. Россия, занимавшая огромные пространства, находящаяся на стыке нескольких цивилизаций, выполняла функции источника товаров и рынка сбыта для многих государств, была тесно вплетена в систему мирохозяйственных связей.

Необходимость в расширении инфраструктуры торговли ощущалась остро и постоянно. Речь идет не только о внешнеэкономической деятельности. Внутри страны регионы, из-за неудовлетворительных транспортных возможностей, в ряде ситуаций, оказывались изолированными от внешнего мира. Это, несомненно, вело к натурализации хозяйственного организма. Поэтому вопрос об эффективности работы и разветвленности торгового аппарата является актуальным.

Отметим и то обстоятельство, что Россия, как до 1917 года, так и в 20-е годы XX века, оставалась страной мелких производителей. Уровень развития производства, степень его обобществления, как известно, во многом определяют формы и методы распределения. Мелко-оптовая и розничная торговля были поэтому не менее, а более необходимы, чем торговля оптовая, централизованная. Именно на их долю выпадала основная функциональная задача торговли - довести произведенный товар до потребителя - каждого конкретного крестьянина, промышленника, рабочего. В то же время, мелкий торговец являлся и заготовителем сырья для промышленности, скупая у производителей продукты их труда. Нередко такой процесс носил безденежный характер в форме бартерного обмена. Таким образом, в производство включалась значительная доля сырья, невостребованная ранее. Очевидно, что мелкими и мельчайшими формами торговли занимались частные лица, а отнюдь не государственные организации. Во-первых, это определялось характером производства (мелкое и частное), во-вторых, лишь на определенных ступенях обобществления производства, в организациях средних или крупных, возможен эффективный контроль за наемной силой. Мелкие предприятия, в том числе и торговые, не имели достаточных средств для содержания аппарата управления, да и не нуждались в этом.

В частном секторе страны, в промышленности и торговле в 20-е годы было занято большое количество людей - около 5 млн. человек. Средства к существованию они добывали самостоятельно, основываясь на своих знаниях и опыте. Запретив, ликвидировав частный сектор, государство не было в состоянии что-либо предложить взамен. Пополнять армию безработных, брать на себя их содержание - это было бы абсурдно. В период нэпа, руководствуясь здравым смыслом, государство делало попытки использовать опыт этих людей, а также их капиталы. Однако, с победой идеологического императива, эти усилия сошли "на нет".

Не смотря на ряд усилий, торговый аппарат в годы нэпа не достиг довоенного уровня. Сравнительные данные за 1927 год охватывают лишь Европейскую часть страны, где, несомненно, торговля развивалась активнее. Это свидетельствует о еще более серьезных различиях с довоенным уровнем в целом по стране. «Если численность частных торговых предприятий, имевшихся в 1912 году на современной территории Европейской части Союза ССР, принять за 100%, то теперешний частный аппарат по числу своих заведений составляет в сельских местностях лишь 19,3% от довоенного, в городах и поселениях городского типа 113,5%, по уезду в целом 45.5% довоенного частного аппарата»,- отмечалось в материалах комиссии ВСНХ. (8) Эти данные свидетельствуют о серьезных изменениях в структуре торговли, которые произошли к 20-м годам XX века.

Во-первых, торговля стала концентрироваться по преимуществу в городах, минуя деревню. Это было связано с начавшимся процессом урбанизации и с централизованным распределением продукции государственной промышленности. В большинстве случаев, источником поступления товаров для частника служили госторговля и госпредприятия, поэтому оптовые закупки были возможны только в городах, здесь же существовал наиболее стабильный спрос. Частник лишь в случае жесткой конкуренции с общественным сектором переносил свою деятельность в деревню. Такой переход увеличивал транспортные расходы и требовал дополнительных, а значит, и нежелательных затрат.

Отсутствие стабильной государственной политики в отношении частника, вынуждало его прибегать к разукрупнению своего капитала, уступая опт государству и занимаясь мелкой торговлей. Это является другой отличительной чертой частной торговли советского периода.

В-третьих, в отличие от довоенного, торговый аппарат частника в 20-е годы был чрезвычайно мобилен. «Если в довоенное время почти 2/3 частных предприятий уезда были предприятиями оседлыми, лавочного типа, и лишь треть приходилась на долю палаточной, развозной и разносной торговли, то современный частный аппарат почти на 3/4 состоит из предприятий, торгующих из палаток в развес и разнос, и лишь одна четверть его предприятий ведет оседлую торговлю из постоянных лавочных помещений», - отмечалось в материалах комиссии ВСНХ. (9)

Отсутствие законодательных гарантий, политическая нестабильность в отношении частника, отсутствие крупных капиталов или

их сокрытие, стремление избежать налогов - все это делало частную торговлю в 20-е годы чрезвычайно расплывчатой, по преимуществу розничной и мобильной. Мобильность предопределялась и условиями конкуренции с обобществленным сектором, поставленным в более привилегированные условия. Частник стремился к непосредственному контакту с потребителем, действовал в тех регионах, где не было аппарата госторговли и кооперации, пытался продать там, где существовал дефицит на тот или иной товар. Стремление избежать фискальных обязательств, зачастую переход на нелегальные формы торговли - эти причины играли не последнюю роль в стремлении частника к мобильности, гнали его в дорогу.

Отмеченные нами черты были характерны для частной торговли всей страны. Однако на Урале они преломлялись через призму региональной специфики.

В отличие от других регионов страны, где взаимодействие между промышленностью и торговлей осуществлялось по классической схеме - промышленность производит, а торговля реализует,- «на Урале промышленность - источник существования 190 тысяч рабочих и служащих, и состояние и развитие промышленности определяет главную часть спроса населения на товары.» (10) Промышленность на Урале обеспечивала население работой и, следовательно, средствами, а товарами должна была снабдить торговля, используя при этом самые разнообразные источники. От её маневренности, умения ориентироваться в многоукладной экономике зависела эффективность снабжения населения и, в конечном счете, работоспособность занятых в сфере производства.

Торговля периода нэпа, во всем своем многообразии являлась отражением существовавших экономических укладов. Для того, чтобы представить пестроту рыночных отношений, необходимо познаться со всеми субъектами предпринимательской деятельности. Торговый аппарат Урала включал в себя следующие составляющие:

1. Обособившийся от производственных объединений сбытовой аппарат госпромышленности (синдикаты).

2. Госторговля, как в чистом ее виде (организации, имеющие своей основной целью торговое посредничество), так и госорганы и общественные организации, осуществлявшие торговое посредничество в качестве подсобного занятия, но имеющие своей целью другие функции.

3. Потребительская кооперация как система, в основе своей торгово-посредническая.

4. Прочие виды кооперации, поскольку они выполняют торгово-посреднические функции.

5. Частная торговля. (11)

Наиболее значимым показателем роли того или иного субъекта торговли является его доля в торговом обороте. Исследователи-экономисты, хозяйственники справедливо отмечали тот факт, что торговые обороты определялись в 20-е годы исключительно исходя из данных фиска. Однако налоговые органы не в состоянии были оперативно отразить постоянно меняющуюся картину рыночных отношений. Это относилось прежде всего к частным, мелким торговым предприятиям, состав которых был чрезвычайно мобилен, а смертность заведений велика. Обороты частной торговли, полученные сплошными учетами по данным налоговой статистики, определялись следующими цифрами: в 1923/24 гг. - 88 млн.руб., в 1924/25 гг. - 86,4 млн.руб., в 1925/26 гг. - 132,5 млн.руб.. Недостатком этих данных являлось отсутствие сведений об оборотах предприятий первого разряда. (12) Такого рода дефекты официальной статистики, заставляют большее внимание уделять исследованиям проводившимся в 20-е годы, которые содержат более точные данные. Так, по расчетам Г.Исупова, торговый оборот частных предприятий Урала определяется для 1925/26 гг. в 140 млн.руб. (с учетом предприятий первого разряда), а за 1926/27 гг. в 151 млн.руб.. (13) Каково значение этих сумм для хозяйства Урала? Ответить на этот вопрос можно, определив долю частного сектора в общем посредническом обороте области.

Удельный вес частной торговли в общем посредническом обороте Урала сравнительно не высок и определяется в 14,9% (См. таблицы N 3 и N 7 Приложения). В этом отношении положение с частной торговлей заметно отличается от общесоюзной картины. Так, по данным НКТорга, удельный вес частных оборотов в посреднической торговле СССР определялся для 1924/25 гг. в 27,8%, для 1925/26 гг. в 24,8% и для 1926/27 гг. в 18,5%. Вновь отметим, что в данных НКТорга оборот частной торговли первого разряда совсем не учтен. (14)

Имеющиеся в нашем распоряжении данные за II полугодие 1924/25 года позволяют сделать сравнительный анализ оборотов частного по различным районам России. (См. таблицу N 1 Приложения) Доля Урала в общем частно-торговом обороте СССР определялась в 3,8%, это шестое место по стране. На первом - Центрально-промышленный район (26,7%), затем идет Северо-Кавказский (8%). Приозерный

(7,7%), Центрально-земледельческий (5,2%). Частно-торговые предприятия Урала не были крупными, при средней величине оборотов на одно предприятие - в 4,9 тыс.руб., на Урале она составляла 3,6 тыс.руб. в год. (15)

Такого рода данные воспринимались руководством области как несомненно положительные. Идеологическая установка на ликвидацию частника, взгляд на него как на врага, позволяли толковать сложившуюся ситуацию в качестве образца для других регионов. Докладывая об опережении заданий партии, руководство области, в тоже время говорило о серьезных трудностях с организацией продуктообмена в регионе.

Частная торговля в городах и сельской местности развивалась неравномерно. Стремление сократить издержки заставляло частника находиться ближе к источникам поступления товара - в городе, там, где наиболее активно шел продуктообмен. Города являлись крупными торговыми центрами, куда за покупками приезжали и крестьяне. По свидетельству очевидцев «в селе крестьянин не имеет регулярных денежных поступлений, покупает только самое нужное и в необходимых количествах, учитывая даже незначительную разницу в ценах. Все свои большие покупки впрок он откладывает до поездки в город, где и товар дешевле, и качество лучше.» (16)

В условиях товарного голода покупатель охотился за товаром. Именно поэтому наиболее оптимальной точкой для размещения торговли являлся город. Со временем, когда частник, в результате мероприятий правительства, был поставлен в невыгодные условия по сравнению с обобщественным сектором, он переносит свою деятельность в сельскую местность, в те районы где «конкуренция» госторговли и кооперации слабее. Отметим, что в сельской местности были населенные пункты, в которых частник являлся единственным торговым посредником и где «не ступала нога кооператора». Общей тенденцией являлось, однако, повсеместное сокращение количества частных предприятий как в городе, так и на селе. (См. таблицу N 4 Приложения)

Неоднородным являлось и распределение частной торговой сети по Уральской области. Наиболее насыщенными торговыми заведениями являлись районы с крупными городскими центрами - Пермский и Свердловский округа. Но если Свердловский лидировал по количеству частных предприятий (на 1 октября 1926 г. - 1770), то Пермский - по величине оборота, приходящегося на одно предприятие (23,3 тыс.руб. против 14,2 тыс. руб. в Свердловском). При среднем

удельном весе частного по области в 61%, ряд округов превышал этот рубеж: Свердловский и Челябинский (66%), Кунгурский и Тюменский (65%), Курганский (64%), Сарапульский (63%) и Троицкий (62%). (17) (Подробнее см. таблицу N 2 Приложения) Наиболее активно торговля шла в округах, где в наличии было два сектора экономики - промышленный и аграрный, и где в городах концентрировались значительные массы населения.

Значение частной торговли как связующего звена в многоукладной экономике можно исследовать на разнообразном материале. Одним из наиболее важных показателей являются, по нашему мнению, данные об источниках снабжения частного. Товары поступали в торговую сеть самыми разнообразными путями, как легальными, так и нелегальными. Государство было заинтересовано в том, чтобы промышленность использовала по преимуществу каналы сбыта обобщественного сектора (госторговля и кооперация), а частник держался на голодном пайке. Однако в условиях кризиса сбыта было принято решение о 30% лимите продукции. Именно такое количество товара предприятие могло реализовывать через частного. Но период легального поступления товаров в частную розницу от госсектора продолжался недолго, уступив место нелегальным формам. По данным обследования, проведенного Г.Исуповым в 1925/26 гг., частник покупал в пределах области у обобщественного сектора хозяйства 41% товаров (в том числе у госпромышленности - 7,5%, в госторговле 25,9% и кооперации 7,6%) и 58,3% у частного сектора (в том числе 21,9% у частных лиц, 13,5% у кустарей и ремесленников и 22,9% на базаре). Кроме того, за пределами области, по отношению к внутриобластным покупкам, приобретено 28% товаров. (18) (См. таблицу N 5 Приложения)

Очевидно, что госторговля играла весьма существенную роль в пополнении ассортимента частного торговца. Налицо прямая перепродажа, квалифицируемая, как спекуляция. С другой стороны, подобного рода перепродажа могла играть и положительную роль в распределении. Так, например, поступающая по плану в деревню эмалированная посуда, не находила спроса. Частник покупал её, перепродавал в городе, идя навстречу запросам рынка и используя недостатки централизованного распределения. К положительным моментам деятельности частного относится работа по вовлечению в торговый оборот продукции кустарей и ремесленников. Мелкое кустарное производство было не в силах активно заниматься сбытом своей продукции и обеспечивать в достаточном количестве себя

сырьём. Эти функции брал на себя частник. Разумеется, в тех случаях, когда товар являлся ходовым и сулил выгоды.

В аналитическом обзоре Уралплана, посвященном торговле Урала 1926/27 гг., говорилось о том, что вопреки общераспространенному мнению, частник мало связан с кустарем, «По видимому, во многих случаях кустарные промыслы, работающие на широкий рынок, глохнут, хотя современное состояние крестьянского хозяйства является чрезвычайно благоприятным для развития кустарного промысла. Кустари страдают не от эксплуатации частных скупщиков, а от того, что очень слабым является звено, связывающее их со сбытовым рынком.» (19) Особенно интересным нам кажется то, что автор обзора видит в факте критического положения кустарного промысла важнейший показатель недостаточного развития рынка. Он отмечает, что этот факт обладает тем большим значением, что источники его находятся не в недостатке сырья и оборудования, а *лишь в самой организации рынка.* (выделено нами - К.А.) (20) Вновь возникает проблема связей в системе многоукладной экономики, проблема сбалансированного сосуществования различных секторов и частей единого хозяйственного механизма. Общая сумма всей товарной массы, поступившей для обращения в частный торговый аппарат, определена была автором исследования в 96,6 млн.руб. (21) Уже сами источники поступления товаров во многом предопределяли в основном розничный характер частной торговли. Оптовая торговля монополизировалась обобществленным сектором. По данным сплошного учета Уралстатуправления, в чисто оптовой торговле удельный вес частника составлял в 1925/26 гг. только 1,2%, в смешанной оптово-розничной торговле - 5,3% и в чисто розничной - 29,3%. (22)

Такое положение вещей было предопределено характером государственной политики в отношении частника. Ведение крупной оптовой торговли было невыгодно, а в большинстве случаев и невозможно. Налоговый пресс был слишком силен. Сумма налогов была абсолютно несопоставима с долей частного сектора в экономике. Налоги на частные торговые и промысловые заведения на Урале в 1923/24 гг. выражались в сумме 4339727 рублей, что составляет 60,9% всего обложения торгово-кустарного оборота. Между тем, по данным финорганов, оборот частной торговли и промышленности составляет лишь 24,4% всего оборота. (23)

Следует добавить к этой сумме более высокую, по сравнению с кооперацией, арендную плату за помещение, высокий подоходный

налог с владельцев частных предприятий и прочие платежи и поборы. (См. таблицу N 6 Приложения) Поставленные в столь жесткие условия, частные торговцы стремились рассредоточить свой капитал, измельчить торговлю, сокрыть свои доходы. Широкое распространение получила практика скупки и перепродажи товаров через подставных лиц крупным торговцем. О более высокой степени налогообложения частника свидетельствуют следующие цифры. Так, налоги с частников составляли 6,49 коп. на оборотный рубль, что почти в 7 раз превышало налоги сельских потребобществ. Патентный сбор, например, был в 3,8 раза больше кооперативного, государственные сборы больше в 3,4 раза, а уравнильный сбор в 5 раз. Особенно значительные налоговые суммы взимались местными органами власти. Местные сборы с частников составляли 1,34 коп. на оборотный рубль, то есть были чуть ли не в 2 раза больше патентного сбора и, соответственно, в 27 раз больше аналогичных налогов потребобществ. (24) Действуя почти бесконтрольно, власти последовательно выдерживали «классовую линию» и «грабили награбленное». Сложности со снабжением населения товарами широкого потребления могли быть преодолены, если бы местные органы власти использовали различные формы льготного налогообложения, в том числе и в отношении частника. Это могло стимулировать частных торговцев, привлекло бы дополнительные капиталы из других регионов.

Вышеописанные условия деятельности частных торговцев предопределяли и более высокий уровень цен. "Цены были выше" - это утверждение являлось общепринятым как в массовом сознании, так и в кругах специалистов. Однако, насколько они превышали цены госторговли и по каким причинам, в этих вопросах не было единства.

В 20-е гг. было принято подразделять номенклатуру товаров на достаточные, имеющиеся в ассортименте у кооперации, госторговли и частника (поэтому в силу слабой конкуренции цены на них были не высоки), и товары недостаточные - находящиеся в дефиците у обобщественного сектора. Цены на последние в частной рознице были предельно высоки. Подъему цен способствовали периодические кризисы производства или сбыта, порождавшие дефицит товаров в тех или иных регионах страны. Когда механизм централизованного распределения, находящийся в руках государства, давал сбой, то этим обстоятельством моментально пользовались частные торговцы. При этом они получали значительные прибыли за счет спекуляции, с одной стороны, а с другой, удовлетворяли потребности тех, кто был

в состоянии заплатить. В результате проведенного нами исследования, а также по данным Г.Исупова, можно констатировать, что в ценах частной торговли не было резкой разницы с ценами госторговли и кооперации. По предметам широкого потребления цены частного всего лишь на 5%, максимум на 10%, превышали цены кооперации. «Справедливость требует отметить, что наша статистика цен нередко отмечает равенство цен или даже, наоборот, превышение цен кооперации над частными.» (25) Последний тезис справедлив лишь в отношении достаточных товаров.

Цена на товары формировались исходя из сложного сочетания факторов. Это были: твердые цены госторговли, рыночные цены базара и цены кооперации. Наиболее существенным фактором при формировании цен можно считать торги на существовавших в это время товарных биржах. Именно на них происходил процесс сведения различных тенденций к общему знаменателю. Здесь осуществлялась сбалансированная смычка обобщественного и частного секторов экономики. Сводки товарных бирж, публикуемые в региональных газетах, являются, пожалуй, единственным репрезентативным источником в арсенале исследователя, занимающегося политикой ценообразования в 20-е годы.

Более уязвимыми являются биржевые сводки при рассмотрении доли частного в биржевом обороте. Эти данные, пригодные для сравнения с положением в целом по стране, в действительности не отражают подлинного объема частной торговли. Связано это, как с нелегальным прохождением товара в частной торговле, так и с отличным от госторговли товарным ассортиментом. На биржах заключались, как правило, сделки на оптовые партии товара, а частник особенно силен был в рознице. Приведенные в таблице N12 Приложения данные о доле частного в обороте ряда бирж, еще раз подтверждают тезис о сравнительно невысокой доле частного посредничества в торговле Уральской области.

Исследуя биржевую статистику с целью выяснения вопроса о ценах в торговле 20-х годов, следует обратить внимание на особенности ценообразования в различных секторах экономики. Так, цены частной торговли и обобщественного сектора формировались по различным принципам. В кооперации и госторговле основой ценообразования являлись закупочные цены. Транспортные и торговые накладки мало изменялись, а розничные цены были подвержены строгому контролю государства. Частная торговля, напротив, в основу ценообразования закладывала сбытовые цены, зависящие от

конъюнктуры рынка. Её целью являлось поддержание бытовых цен на максимально высоком уровне, исходя из этой задачи определялись закупочные цены. (26) Такого рода механизм более оперативен и мобилен, позволял избежать различных издержек, так как получение торговой прибыли напрямую зависело от сокращения затрат. Все авторы исследований, посвященных частной торговле, едины во мнении, что её аппарат организован более экономно и действует эффективнее. Капиталы частника постоянно находились в обороте, не оседая в виде мертвых ценностей. Значительная часть капиталов, как правило более 3/4, составляли собственные средства предпринимателя, в то время как кооперация существовала за счет государственных кредитов - денежных или товарных.

Подводя некоторые итоги, можно оценить инвестиционный климат, сложившийся на Урале в 20-е годы, как неблагоприятный. Частная торговля имела потенциал для развития, но специфические условия региона - отсутствие капиталов и диспропорции в структуре хозяйства - препятствовали её развитию. Помимо этих объективных причин, вызванных экономическими реалиями, значительную роль в неразвитости частной торговли на Урале играла идеологическая установка на свертывание частного сектора.

* * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНО-ТОРГОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Приступая к рассмотрению политики государства в отношении частных торговцев, необходимо специально остановиться на особенностях подобных мероприятий в обществе, называющем себя «социалистическим».

В существующем историографическом наследии были различные оценки мероприятий властей, проводимых в 20-е годы. Подходя к изучению социального организма с традиционными мерками, авторы подразделяли деятельность властей на экономические и на административные (внеэкономические) мероприятия. Реальные политики и исследователи 20-х годов, так или иначе, отдавали предпочтение экономическим мероприятиям и в своих рекомендациях отстаивали

их приоритет.

Идеологизированная историография была призвана доказать необходимость репрессивных мероприятий, как ответной реакции на дезорганизаторскую деятельность частного капитала. Однако и исследователи, работавшие в конце 20-х годов, также утверждали, что частник был ликвидирован преимущественно экономическими методами. Такая точка зрения являлась господствующей до современного периода (середина 80-х - начало 90-х гг.). На основное противоречие данной позиции указал в своей статье Е.В.Демчик. (1) Оно заключается в следующем: утверждалось, что поскольку государственный уклад к концу 20-х годов полностью заменил частный капитал во всех сферах и отраслях хозяйственной деятельности, частный капитал стал ненужным. Более того, вредным придатком советской экономики. Таким образом, произошла эквивалентная, исторически прогрессивная замена отжившего уклада новым. Одновременно с этим, на фоне картин дезорганизаторской, вредительской деятельности нэпмана, направленной на подрыв советского строя, обосновывалась необходимость репрессий. Цель репрессивных мероприятий виделась в защите нового общества от подрывных элементов и, как следствие, полная ликвидация частного сектора. В результате, с одной стороны, отстаивался тезис об экономической победе обобществленного сектора, с другой, обосновывались репрессивные мероприятия. В этой связи весьма двусмысленно выглядят аргументы экономического вытеснения частника. Так, например, данные, приведенные в статье В.А.Архипова, свидетельствуют об очевидном снижении доли частника в торговом обороте. (См. таблицу N 1.)

Таблица N 1.
Доля отдельных секторов в общем товарообороте * (в %)

	1928	1930
Государственный сектор	23,0	27,3
Кооперативный сектор	45,3	73,9
Частный сектор	27,4	3,1

* См.: Архипов В.А. Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства./ Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М.,1986.-С.128.

Сам этот факт традиционно рассматривался как показатель развития обобществленного сектора, в первую очередь кооперации, и свидетельствовал о замещении частника на рынке. С другой стороны, эти цифры показывают, что доля госторговли и кооперации росла за счет ликвидации «третьего лишнего» субъекта товарооборота в лице частного торговца. Характер этой, весьма своеобразной, «конкуренции» был весьма далек от правил, принятых в экономической борьбе. В реальности, осуществлялось или прямое администрирование, в лучшем случае, или уголовное преследование.

Таким образом, при традиционной точке зрения, причина и следствие меняются местами. По нашему мнению, падение доли частника в товарообороте являлось не предпосылкой для дальнейшего наступления на его позиции, а следствием мероприятий государства. Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок своей статьи, Е.В.Демчик приходит к аналогичному выводу о насильственной ликвидации частного капитала. (2) Автор убедительно отстаивает свою точку зрения и справедливо указывает на противоречия предшествующей историографии. Для решения поставленной проблемы необходимо определить сущность понятий - "экономические" и "внеэкономические меры воздействия", применительно к рассматриваемой эпохе.

Существует точка зрения, что экономические методы влияют на субъектов хозяйственной деятельности опосредованно, регламентируя, главным образом, связи и «правила игры». Внеэкономические методы, напротив, воздействуют непосредственно на субъект, корректируя его поведение, ограничивая или расширяя права субъекта хозяйственной деятельности.

В статье В.А.Архипова также обращается внимание на различное толкование экономических и внеэкономических мероприятий. При этом под последними подразумевается законодательное регламентирование сфер и пределов частной промышленности и торговли, применение различных санкций, вплоть до уголовного преследования за нарушение законности. Экономические меры в широком смысле слова, по мнению В.А.Архипова, включали в себя развитие обобществленного сектора промышленности и торговли, а в узком смысле - политику кредита, цен, налогов. (3) Отметим, что понятие «законности» применительно к революционной эпохе носило классовый характер и базировалось не только на нормативных документах, но и на «революционной целесообразности», «классовом чутье» и «пролетарской сознательности». Широкое толкование

экономических мер целиком и полностью укладывалось в русло идеологического лозунга на вытеснение частника из оборота.

Возможна и иная, весьма вольная трактовка, подразумевающая под экономическими мероприятиями деятельность отдельных лиц или групп, учитывающих законы хозяйственной жизни, деятельность научно обоснованную и прогнозируемую. Внеэкономическими, или точнее, неэкономическими мерам при этом отказано в учете хозяйственной целесообразности. Последние, таким образом, выступают в качестве антипода своего двойника.

Отличительной особенностью всей общественной и хозяйственной жизни нового советского государства являлся примат идеологии. Этот тезис сегодня неоспорим. Коммунистическое первородство не должно было быть продано. Нэп, в этой связи, рассматривался как отступление и временное состояние, исключение, а не правило. Идеологические установки господствовали, с теми или иными оговорками, и на протяжении нэповского десятилетия. Практически невозможно провести грань между экономическими и административными мероприятиями правительства. Вопрос, где заканчивается царство экономики и начинается сфера влияния административных мер, - не стоял, так как идеология господствовала повсеместно. Не случайно В.М.Куликов в своей монографии пишет: "Одним из наиболее действенных орудий ограничения и вытеснения торговой буржуазии являлась налоговая политика Советского государства, носившая ярко выраженный классовый характер." (4) Не менее «ярко выраженный характер» носила и политика цен, а также правила, регламентирующие аренду помещений, ассортимент товаров и тому подобное. «*Правила игры*», устанавливаемые для субъектов хозяйственной деятельности, были неодинаковы. Экономические градации проводились по идеологическим параметрам, весьма размытым и постоянно меняющимся, в зависимости от политической конъюнктуры, от выдвигаемого «*лозунга момента*».

В освещении исследуемой нами проблемы, предшествующая историография испытывала на себе идеологический гнет. Она была призвана обосновать правильность политики правительства в отношении частного торгового предпринимательства, доказать, что его линия поведения была продуманной, экономически обоснованной и единственно возможной. Подчеркивалась негативная роль частного торговца (спекуляция, вздутие цен, сокрытие товаров, вредительство и саботаж) в жизни страны. Проводилась идея о том, что успехи в восстановлении хозяйства страны были достигнуты не благодаря участию частного капитала, а вопреки ему.

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что мероприятия государства, направленные на форсированное устранение частного, привели к образованию дыр в торговой сети, к возникновению дисбаланса, который невозможно было ликвидировать методами директивного планирования. Однако именно этих аспектов проблемы не касались исследователи прошлого, стремясь сохранить авторитет правящей партии. При рассмотрении политики государства в отношении частной торговли следует учитывать особенности советской действительности и подходить к делению мер правительства на экономические и административные с известной долей условности.

20-е годы являлись периодом большого эксперимента. В это время происходила смена отношений, характерных для смешанной экономики - государственным планированием. Ситуация напоминала чаши весов, которые находились в постоянном движении, создавая видимость равновесия, но где неизменно перевешивала «чаша» государства. Политика в отношении частного капитала характеризовалась постоянными «зигзагами», являясь, по существу, «политикой кнута и пряника».

С предельной откровенностью цели советского государства в рассматриваемый период характеризует Е.А.Преображенский. В выработанной им теории «первоначального социалистического накопления», он устанавливает зависимость между уровнем экономического развития страны, переходящей к социализму, и той долей контрибуции, которую должен был востребовать новый строй с досоциалистических форм хозяйствования. Принимая во внимание тот факт, что Россия являлась отнюдь не высокоразвитой страной, капиталистам предстояло выплатить гигантские суммы. Экономическая политика социалистического государства была подчинена закону первоначального социалистического накопления, несмотря на негативное восприятие властями автора этой теории. Аналогия с периодом «первоначального капиталистического накопления», выделенным К.Марксом, напрашивалась сама собой и вызывала гнев как противников, так и сторонников Е.А.Преображенского. (5) Однако, метод аналогий в данном случае был использован удачно, и «закон» работал.

«Этому закону,- писал Е.А.Преображенский, - подчинена структура доходной части бюджета, с системой обложения частного хозяйства в пользу социалистического, ...монополия внешней торговли и система социалистического протекционизма. Закону подчинена вся

наша кредитная система, наша торговая политика с её постоянным стремлением к вытеснению из оборота частного хозяйства.» (6) По сути, рекомендовалось воспользоваться государственно-монополистическими методами управления экономикой. Эти методы, получая идеологическое оправдание и звание «социалистических», автоматически превращались в прогрессивные.

Мероприятия верховной власти, как принято в обществе тоталитарного типа, инициировались идеологическими органами, в данном случае - съездами партии. По этой причине периодизация, ориентированная на решения съездов, конференций и пленумов, «имеет место быть» и достаточно адекватно отражает перипетии правительственной политики в отношении частной торговли.

Поэтому мы склонны согласиться с периодизацией выдвинутой В.А.Архиповым, посвятившим изучению частного капитала большинство своих фундаментальных работ. Предложенная им периодизация, включает в себя четыре этапа. Первый открывает X съезд РКП(б), провозгласивший переход к разрешительной политике в отношении частного капитала (нэп). С весны 1921 г. до весны 1924 г. шла восходящая линия либерализации по отношению к частным предпринимателям. Этот период можно охарактеризовать как откат, последовавший за «кавалерийской атакой на капитал», - то время, когда стало ясно, что государство взяло на себя больше, чем могло «переварить». Новая экономическая политика во многом явилась альтернативой разрухе и была призвана обеспечить дальнейшее существование хозяйственного механизма.

Кризис «военного коммунизма» требовал решительных изменений. Не имея полноценного обеспечения для воплощения в жизнь собственной экономической стратегии, переживая инфляцию, идеи прямого продуктообмена, советское правительство, партия, в первую очередь, прибегли к допущению традиционной модели. Рыночные механизмы хозяйствования, несмотря на разруху, являлись реальной силой, существующей не только на практике, но, что не менее важно, в сознании подавляющего большинства населения. Этим и объясняется «победоносное шествие» новой экономической политики.

В рамках первого этапа был принят ряд законодательных актов, направленных на денационализацию объектов кустарной и мелкой промышленности, гарантировались определенные права собственности частных лиц. Однако существовали и оговорки. Так, гражданские права охранялись законом только тогда, когда они не противор-

речили советскому социальному и хозяйственному назначению. Статья 28 Кодекса законов о труде объявляла недействительными условия найма, если они ухудшали положение трудящихся по сравнению с условиями, устанавливаемыми законом. Контроль за соблюдением законов обеспечивался тем, что была отменена коммерческая тайна - святая святых частного предпринимательства. Правом ревизии и обследования частных предприятий пользовались финансовые органы, рабоче-крестьянская инспекция, профсоюзы и органы Наркомтруда. (7) Отметим, что эти организации весьма часто пользовались предоставленным им правом. Помимо них, контрольные функции брали на себя по собственной инициативе самые разнообразные органы власти.

Воспринимая налоговую политику, как «главное орудие революционной политики в переходную эпоху» (8), правительство разработало документ о промысловом и подоходном налоге. В январе 1923 г. было принято «Положение». (9) В соответствии с ним, органы власти имели возможность устанавливать налоговые надбавки на местные нужды. Как уже отмечалось, зачастую эти налоги превышали суммы общероссийских.

В 1924 г. по Союзу доля изъятия из доходов буржуазии по промысловому и подоходному обложению с местными надбавками в совокупности с обязательным выкупом облигаций государственных займов составляли от 32 до 50,2% в торговле, в зависимости от разряда. (10)

Ощувив тенденцию к экономической стабилизации, не последнюю роль в которой сыграл частный капитал, руководство партии и правительства решило провести его экспроприацию. Таким образом, четко обозначился второй период в государственной политике. 1924 год является годом наступления на частный капитал. Начали активно проводиться мероприятия по снижению цен в госторговле, а также сокращение кредитования частника, усилилось давление налогового пресса (увеличение налогов в 1,9 раз по промысловому обложению и в 5 раз по подоходному). (11) Ответная реакция не замедлила последовать. Частные предприниматели стали активно сворачивать свою деятельность. Хозяйство страны вновь стало лихорадить. В.М.Куликов в своей монографии отмечает, что увлечение некоторых советских работников административными мерами в борьбе с частным капиталом в 1924/25 г. привело в ряде мест к неоправданно быстрому свертыванию деятельности частных заведений. В итоге за 1924/25 г. удельный вес частного торгового

капитала сократился в общем обороте с 26,8 до 14,2%, а в розничном - с 54,6 до 31,1% или более чем в полтора раза. (12) Причины неудач в данном случае, называются традиционные - перегибы некоторых лиц в ряде мест (по принципу «если кто-то, кое-где, у нас порой...»). При этом не учитывался тот факт, что для рядовых партийцев большее значение имело не содержание, а Дух партийной директивы. Они лишь исполняли ее волю. А характер партийных и правительственных документов образца 1924 г. был весьма боевой и направлен против частника.

В декабре 1924 г. в речи Ф.Э.Дзержинского на совещании Президиума ВСНХ и руководителей Совнархозов республики была дана команда «Отбой!» В докладе говорилось, о том, что необходим частичный возврат средств в промышленность и о целесообразности использования частного капитала, в известных пределах, не забывая, однако, о всемерной поддержке кооперации.» (13) Здесь, как и прежде, не идет речь о длительном существовании частного капитала, подход к нему остается чисто прагматическим и утилитарным. Имелось в виду, что частный предприниматель будет временно выполнять те функции, которые не в состоянии взять на себя государственные и кооперативные организации, во-первых; во-вторых, этот третий субъект рыночных отношений служил источником пополнения казны за счет взимаемых налогов. В-третьих, когда, по мнению властей, необходимость в существовании частного предпринимательства исчезнет, будет возможность организовать новую экспроприацию. Дух революционного романтизма и террористических «эксов» под лозунгом «Грабь награбленное!» не был чужд новой номенклатуре.

С начала 1925 до конца 1926 гг. верховной властью инициировался процесс оживления товарооборота при активном вовлечении в него частника. Всеми способами делались попытки накопить за счет частника средства для осуществления новой идеи - индустриализации.

На III съезде Советов в мае 1925 г. прозвучала здравая мысль, что налоги с частной торговли должны взиматься так, чтобы не вызывать сокращения товарооборота. (14) Были приняты постановления о налоговых льготах для ремесленников и кустарей. (15) Для предприятий, производивших дефицитные товары, которых было немало, отменялись налоговые добавки в местный бюджет. Они, как уже отмечалось, были весьма велики и произвольно повышались.

Когда авторы работ характеризуют те или иные мероприятия

властей, то не случайно речь идет о «Курсе» или «Линии партии». Установки и главенствующие идеи витали в воздухе, находя реальное воплощение в решениях съездов, конференций, собраний всех уровней, в самых различных сферах хозяйственной и общественной жизни. Все они должны были способствовать осуществлению очередной *Идеи, Мифа*, освященного партией, ее вождями. Идеология превалировала и имела доминирующее значение. В условиях тоталитарного государства она являлась и законом, без учета различий и специфики. Это касалось как отдельных регионов, так и «отдельно взятой личности».

Интересно отметить следующую закономерность. Мероприятия правительства, направленные на либерализацию частной инициативы, совершенно естественно вызвали ее рост, активизацию необщественной торговли, увеличение производства продукции мелких заведений. Это, с одной стороны, стабилизировало рынок, создавало дополнительные рабочие места и новые виды продукции. Положительные стороны этих процессов невозможно было не признавать, если оперировать экономическими понятиями. С другой стороны, с классовой позиции, основанной на революционной идеологии, рост частно-собственнических элементов свидетельствовал об угрозе существующему строю, давал почву для обвинений во всех неудачах именно эти «классово-чуждые элементы». И, в свою очередь, такая позиция оправдывала применение насилия по отношению к ним, в любой форме. Вину за последующие новые проблемы экономического плана по инерции (или в силу идеологических догм) вновь возлагали на гонимых «врагов». Таким образом, государство манипулировало общественным мнением, получая политические дивиденды при любом исходе событий. Политический выигрыш позволял господствующей группе находиться у власти, при этом аспекты морального плана не принимались во внимание.

1927 год явился новым рубежом в политике партии, очередным «переломом в линии партии» по отношению к частному капиталу. На Февральском Пленуме ЦК ВКП(б) 1927 г. еще раз была повторена аксиома, гласящая, что, хотя частный капитал занимает около 22% всего товарооборота и около 40% розничного, его дальнейшая роль неуклонно будет снижаться. Однако было отмечено, что «было бы переоценкой своих сил и забегание вперед, если бы мы ставили себе задачу теперь же совершенно вытеснить частный капитал с рынка.» (16) По данным Наркомторга, на компенсирование частно-торговой сети ушло бы 650 млн.руб. (17)

Но прошло совсем немного времени, и в конце 1927 г. стал доминировать курс на ликвидацию частника. Был сделан вывод, что к «элементам частно-капиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения.» (18) Пролетарское государство нашло в себе силы пойти на этот шаг. Прежде всего, речь идет о сформированном за годы передышки административном аппарате, способном контролировать исполнение принятых решений и эффективно использовать механизм силового давления. Это был последний, четвертый период, который пришелся на 1927 -1931 гг. Он знаменовался острыми политическими дискуссиями и противоборством мнений в рамках коммунистического выбора. За эти годы произошло становление нового государства, получившего позднее название «тоталитарного», с использованием государственно-монополистической модели экономики.

Применительно к частному предпринимательству, это выразилось в отмене закона о частной аренде государственных предприятий (май 1928 г.), ликвидации большинства концессий (конец 1930 г.), в упразднении товарных бирж и ярмарок, в прекращении деятельности акционерных обществ, обществ взаимного кредита (февраль 1930 г.). (19) Самым эффективным средством ликвидации капиталистических элементов явилась налоговая политика. Она была направлена не только на изъятие доходов, но и прежде сделанных накоплений. Прекращение отпуска частникам сырья, топлива, товаров в торговую сеть, переход на нормированное снабжение населения - все это сделало невозможным функционирование частной торговли и промышленности. (20)

Лимитирование продуктов (хорошо нам известная карточная система) была, с точки зрения «пролетарского государства», предпочтительнее, чем стихия рынка. Частного торговца обвиняли в спекуляции, в нем видели причину недостатка продуктов. В этом есть доля истины, так как при наличии различных укладов товарооборот был бы более сбалансированным.

На Урале, где позиции частного торговца не были сильны, социализация торговли шла ускоренными темпами, которые не воспринимались, на этот раз, как забегание вперед. За период с 1925/26 по 1928/29 гг. общий оборот частного сектора сократился в 2,3 раза, розничный в 2,2 раза, а из оптового он был вытеснен полностью. Удельный вес частного капитала в общем товарообороте сократился с 16,2 до 4,4%, а в розничном с 29 до 9,4%. К лету 1930 г. его доля в

общем товарообороте Уральской области составляла около 3%, а концу 1931 г. оставалось всего 184 частных торговых заведения, которые не играли уже никакой роли в товарообороте. (21)

Необходимость ликвидации частного сектора объяснялась не только цифрами роста госторговли и кооперации (о возможности иной интерпретации этих данных мы уже говорили), но и политическими мотивами. По схеме создавался образ врага, единственным защитником от которого являлось *ОНО - государство*. На XV съезде ВКП(б) отмечалось, что капиталистические элементы «стремятся усилить свое противодействие наступлению рабочего класса, пытаются оказать враждебное пролетарской диктатуре влияние на определенные слои кустарей и ремесленников, крестьян и рабочих.» (22) Короче говоря - на всех. Уже следует призадуматься, что это за влияние, которому подвержены все слои населения, за исключением партийного и государственного аппарата. Подобного рода обвинения еще далеки от процессов 30-х годов и уголовного преследования за саботаж, вредительство и шпионаж, но и они знаменовали собой усиление репрессий.

Торговцы, или занимавшиеся торговлей в прошлом, лишались избирательных прав, тем самым ограничивались в гражданских правах. Кроме предусмотренных законом, существовали подзаконные акты и положения, еще в большей степени ограничивающие права личности. (Нами было проведено особое исследование материалов личных дел лишенных избирательных прав за занятие торговлей, поэтому на этом вопросе мы остановимся ниже более подробно.) Рамки этих ограничений могли сужаться до размеров тюремной камеры, так как политические преступления, в которых уже на XV съезде обвинялись частные предприниматели, влекли за собой уголовное наказание в виде лишения свободы. Однако, в условиях режима строгой экономии, тюремное заключение представлялось роскошью и, как правило, приговор предусматривал принудительные работы в различных формах.

Таким образом, арсенал методов властей в осуществляемой ими политики «кнута и пряника», был достаточно широк. Среди них основными являлись:

- налоги и штрафы;
- регламентированное снабжение частника;
- определение форм и методов реализации их продукции;
- политика цен;
- ограничение гражданских прав;
- уголовная ответственность.

В далеко не полном перечне мер, эти позиции кажутся нам наиболее существенными. Попытки провести разграничение и определить, какие из них являются по своей природе экономическими, а какие чисто административными, не дают определенного результата.

К 30-м годам необходимый, с точки зрения партийной номенклатуры, «*Порядок*» был установлен, а общество стало более управляемо, лишившись столь неудобного и стихийного элемента как частный торговец. Социальная палитра стала бледнее, но на общем фоне стала более ярко высвечиваться роль государства.

Итак, мы рассмотрели, в общем плане, те периоды, которые претерпевала государственная политика в отношении частного капитала в 20-е гг.. Подробное освещение этого вопроса требует, в свете возвращения к прежней рыночной позиции (присущей дореволюционной историографии), специального исследования и в задачи данной работы в полном объеме входить не может. Наибольший интерес, по нашему мнению, вызывает политика государства, преломленная в региональном аспекте, в частности применительно к Уралу. Местный материал позволяет делать выводы об эффективности мероприятий властей, так как дает реальную картину происходившего, не ограничиваясь планами руководящих органов.

Мероприятия правительства осуществлялись на региональном уровне через организации, подведомственные Народному комиссариату внутренней торговли (НКВТ), такие как Уралторг, Уралмедторг и другие. Силами аппарата этих учреждений велось наблюдение за рынком и осуществление непосредственного влияния. Так, например, осуществлялся контроль за выполнением постановлений о торговле, предельных ценах, о соответствии деятельности предприятий общим направлениям торговой политики (*Линии партии*). Проводились Наркомвнуторгом также плановые и летучие ревизии: как прошло снижение цен, как производится отпуск товаров частникам, каковы накладные расходы. На региональном уровне регулирующие мероприятия проводились также силами совнархозов и подчиненных ему местных трестов (Уралмет, промкомбинаты). Третьим крупным субъектом рынка являлись торговые представительства центральных трестов и синдикатов, подведомственных ВСНХ. Они не имели дела с Уральским областным СНХ и фактически никому на Урале не подчинялись. Всероссийский текстильный синдикат, Кожсиндикат, Райнефторг, Резинотрест, Сахаротрест, Синдшвейпром являлись монополистами или почти монополистами на ураль-

ском рынке. (23) Основным рычагом влияния этих организаций являлась регламентация в снабжении частника. Следуя директиве партийных органов, а затем последовательно своих вышестоящих инстанций, тресты и синдикаты то открывали каналы сбыта товаров, то сужали их до минимума.

Другим крупным персонажем на сцене борьбы с частником являлись финансовые органы осуществлявшие на практике фискальную политику государства. С нарастанием репрессивных мероприятий к этим организациям присоединились милиция и судебные органы. В документах Уралплана, находим четкие ориентиры на сокращение до минимума роли частника в товарообороте. Так, к 1932/33 гг. намечался темп убыли частного сектора по сравнению с 1928/29 гг. в 35%. (24) Цифра немалая, памятуя о том, что к концу 20-х годов частный капитал уже сходил «на нет». Особенности процесса ликвидации частного предпринимательства на Урале имели в своей основе две предпосылки. Первая - Урал как регион периферийный подвергался «волнам» правительственных мероприятий с определенным запаздыванием. Вторая, уже не раз отмеченная нами, - в этом промышленном регионе торговля, в том числе и частная, была развита недостаточно. В.М.Куликов в своей монографии приводит данные о том, что в 1924/25 гг. на долю эзпманов приходилось 71,3% всех торговых заведений, 14,2% общего и 31,1% розничного товарооборота Уралобласти. (25) Автором делается вывод, что на Урале значительно сильнее была развита торговая сеть государственного и кооперативного сектора и более чем на 10% выше его удельный вес как в общем, так и розничном товарообороте, чем в целом по стране.

На наш взгляд, эти цифры отнюдь не свидетельствуют о силе обобщественного сектора в торговле Урала, который был развит слабо. Доказательством тому служат не раз переживаемые регионом кризисы снабжения. Автор справедливо отмечает, что среди частных торговых заведений преобладали мелкие и значительно меньше было крупных торговых предприятий, чем в целом по Союзу. Однако нельзя согласиться с выводом, сделанным В.М.Куликовым. Он пишет: "Следовательно, на Урале к началу реконструктивного периода предпосылки для развития наступления на частный торговый капитал были более благоприятными, чем в ряде других регионов страны." (26) Возникает вопрос: "На кого наступать?"

Дисбаланс в структуре промышленного производства Урала требовал больших усилий от сферы распределения, снабжавшей регион товарами широкого потребления. Кооперация, занимающая су-

ественные позиции в регионе, и госторговля действовали с максимальным напряжением сил. Отказываться от такого подспорья в лице частного торговца, который, в сложившихся условиях не мог создать серьезной угрозы обобщественному сектору, было экономически нецелесообразно.

Инициированная партийными органами кампания по ужесточению налогового пресса вела к сокращению частной торговли. Ноябрьский 1926 г., Пленум Уралобкома потребовал от коммунистов и фракций ВКП(б), регулирующих органов строго проводить линию на сокращение накопления частного сектора хозяйства, особенно в области торговли, и в этих целях активизировать работу по выявлению и полному обложению нетрудовых доходов. (27) Результатом этого постановления явилось то, что в 1926/27 гг. на Урале частные торговцы выплатили 74,1% всей суммы подоходного налога и 9/10 суммы налога на сверхприбыль. (28) Широко практиковались единовременные сборы и подписки на акции государственных займов.

Так, при проведении в жизнь постановления о сборе средств на культурно-хозяйственное строительство, Тобольский окрфинотдел обращался с вопросом в Облфо о сумме сбора с бывших торговцев. В частности, возник вопрос: "В какой сумме сбора облагать бывших торговцев, живущих на доходы от содержимых (написание источника - К.А.) в прошлом торгово-промышленных предприятий, если по их прожитку подоходный налог составляет сумму ниже 200 рублей?" Этот вопрос возник «ввиду того, что частник, имеющий довольно приличный капитал, полученный от содержания в прошлом торговли, или промышленного предприятия в настоящее время, чтобы скрыть свое действительное наличие капитала маскируется путем или поступления на отдельные работы хозяйственных и других предприятий; менее мелкие работы с небольшой оплатой труда, или выбирает регистрационное удостоверение на извозный промысел. Но наряду с этим источником он все же живет на те нетрудовые доходы, которые он получил в прошлом. Следует ли здесь этих лиц учитывать и облагать (как лиц живущих преимущественно на нетрудовые доходы) наравне с нетрудовыми элементами...?» (29) Чиновник в данном вопросе проявил большое рвение в духе партийных документов, направленных на повсеместную экспроприацию частных. За этими строками видится образ гражданина Корейко и, ставший классическим, сюжет «Золотого тельца».

Дефицит информации относительно частной торговли и про-

мышленности заставлял республиканские органы власти проводить специальные обследования. В 1924 г. такого рода исследованием была охвачена территория Уральской области. С целью сбора материала, анкета ВСНХ была разослана по округам, которые, с той или иной полнотой, дали на нее свои ответы. В ряду прочих, в анкете значился вопрос о регулировании частной торговли. Интерес вызывает восприятие органами власти, по сути, собственной деятельности. Так, например, представлена точка зрения, что частная торговля не подвергается регулированию. При этом под регулированием понималось прямое вмешательство государства. «Прямых мероприятий по регулированию частной торговли не проводится» (Челябинский округ) (30); "непосредственному регулированию частная торговля не подвергается, однако она принуждена ровняться по кооперации и госторговле" (Пермский округ) (31); "регулирование в настоящее время касается лишь кооперативной и государственной торговли и все влияние на частную торговлю ведется через соответствующие мероприятия в кооперативных и государственных предприятиях" (Екатеринбургский округ) (32); "регулированию со стороны каких-либо органов частная торговля не подвергалась, если не указывать регулирование в административном направлении, что конечно, до некоторой степени препятствовало развитию частной торговли" (Ишимский округ). (33). Таким образом, экономические мероприятия опосредовались обобщественным сектором, который, в свою очередь, влиял на частного торговца. Регулирование, при ответе на вопрос, понимается как прямой нажим, и высказывается точка зрения, что такая форма не имеет распространения.

В анкетах других округов регулирование непосредственно связывается с вмешательством властей и, соответственно, так и преподносится. Частная торговля «регулируется через Окрисполком, Окркоmvнторг, через издание специальных постановлений в области порядка и часов торговли, вывешивании списка цен на точно указанные виды товаров, в целях ознакомления широкого потребителя с ценами данного торгового предприятия и проч.» (Тюменский округ). (34) Регулированию частная торговля подвергается «в городе со стороны Окрторгкома, в деревне со стороны сельсоветов. Регулирование частной торговли выражается пока в установлении времени торговли, вывешивании торговцами цен на предметы широкого потребления. Последние мероприятия не дают возможности торговцу вздувать цены, получать большую пользу и развиваться» (Троицкий округ). (35)

На вопрос об особенностях обложения частных торговцев, местные органы власти отвечают однозначно: налогов частник платит больше. К налогам добавляются различные сборы: обязательный выкуп облигаций, «добровольные пожертвования» по подписным листам и тому подобное. Особенно отмечается высокая арендная плата, взимаемая с частника за торговые помещения. «Так, в Екатеринбургском округе ...делается скидка арендной платы для первичных кооперативов в 50%, для остальных 30%, и государственных предприятий 20%». (35) С частника же брали полностью всю сумму. Единодушны авторы и в ответе на вопрос о тенденциях развития частной торговли - её перспективы оцениваются весьма скептически. «Благодаря всем указанным выше условиям торговли частных лиц, дальнейшее развитие таковой должно само по себе прекратиться и, или стоять в одной стадии своего развития, или же умереть» (Ишимский округ). (37) В отчете Тюменского округа процесс отмирания видится в ходе экономического соревнования с обобщественным сектором. «В отношении характеристики роли мелкой розничной частной торговли можно с положительностью утверждать, что пока нет и в ближайшее время не может быть создано достаточно разветвленных и дешево стоящих государственных аппаратов по проведению товаров от госпромышленности к потребителю, роль эта в отношении проведения товаров преимущественно лежит на частной торговле. Что же касается тенденции в развитии частной торговли, то также, с несомненностью (следует-К.А.), что по мере развития торговых аппаратов госторговли и кооперации, построенных на основе строго коммерческом торговом начале, конкуренция будет постоянно убивать частную торговлю и производить в количественном отношении отбор на принципах борьбы за существование.» (38)

Рассмотрение материалов обследования свидетельствует о том, что у руководства округов, несмотря на в целом единую точку зрения, в отношении частной торговли, были и свои особенности. Чиновникам приходилось работать в атмосфере меняющихся партийных решений, двойственности позиций, когда частная торговля и разрешалась и пресекалась одновременно. Так, отчет Тюменского округа имеет наиболее выраженную рыночную направленность. В нем дается всесторонний анализ частной торговли - как ее положительных, так и отрицательных сторон. Общий настрой ответов достаточно конструктивен и не носит ярко выраженной идеологической окраски.

Обратимся вновь к источникам «первоначального социалистического накопления». В ответах на вопрос о формах регулирования по округам Урала встречается упоминание о "добровольном пожертвовании путем подписных листов", "пожертвований по разным случаям и поводам" и "обязательном приобретении облигаций золотого займа". (39) Практически облигации всех займов навязывались частным предпринимателям. Поскольку принудительно размещавшиеся облигации были воспрещены к котировке на бирже и к принятию их в залог, их рыночная цена была значительно ниже номинала, что и создавало в скрытой форме дополнительное обложение частной торговли. (40)

Еще одним эффективным методом ликвидации частного предпринимательства являлась политика регулирования цен. В период свертывания рыночных механизмов главной своей задачей власти считали борьбу со спекуляцией. Поэтому несомненный интерес представляют материалы комиссии, созданной для этих целей. (Её полное название - «Уральская Областная комиссия по борьбе со спекуляцией, чрезмерными розничными наценками на товары и ускорению продвижения товаров к населению» была создана по постановлению Малого Президиума Уралоблисполкома от 16 ноября 1925 г. Протокол N 42.)

Провозгласив социальную направленность своей политики, государство проводило курс на снижение цен. Это делалось не только в популистских целях, но и с задачей сломить частника, подчинить его своей воле. Однако острый товарный дефицит в сочетании с действующими рыночными механизмами вел к повышению цен, к росту инфляции. "В капиталистических странах, - отмечалось в материалах комиссии, - последствием нехватки товаров явилось бы немедленное повышение отпускных цен и, как следствие этого, дальнейший рост розничных продажных цен, ибо частный капиталист стремился бы возможно шире использовать нужду населения. В условиях Советского строительства мы имеем совершенно обратное явление, несмотря на превышение спроса над предложением, оптовые отпускные цены промышленности неизменно снижаются с целью достигнуть полной смычки города с деревней.» (41) Негативные же последствия, по логике автора, вытекают из действия рыночных механизмов. «Вовлечение всего народного хозяйства, включая и сельское, в орбиту планового воздействия, далеко не закончено, и наряду со строго плановым началом на народное хозяйство в целом в значительной степени влияет начало и чисто стихийное, одним из последствий

которого является расхождение ножиц на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.» (42) Плановое начало, таким образом, наделяется свойством непогрешимости.

В 1926 г. рост цен стал наиболее очевиден. Так, удельный вес стоимости промтоваров в бюджетном наборе увеличился с 42,8% до 43,4% в августе, в сентябре до 46,9%, а в октябре до 48,2% стоимости всего набора. (43) Таким образом, темп возрастания розничных цен на промтовары оказывался более значительным, чем общий темп удорожания жизни за этот же период. Рассматривая причины этого процесса, члены комиссии подразделяют их на «законные» и «незаконные». К первому типу, по их мнению, относятся изменения в налоговом обложении или в торговой политике, повлекшие за собой рост торговых и накладных расходов. Но этого, констатируют члены комиссии, не произошло. Следовательно, в силу вступили «незаконные» причины - они являются спекулятивными и вызваны «исключительно желанием некоторых хозорганов, кооперации и частных торговцев повысить процент получаемой с оборота прибыли.» (44) Причиной спекуляции справедливо виделся товарный голод, но не менее значимой являлся «принудительный ассортимент» («нагрузка»). Это был нонсенс в условиях 1926 года. На это указывают и сами члены комиссии: "Казалось бы, в условиях товарного голода принуждение к приобретению излишних товаров в одни руки, - особенно, частного торговца, - является нелепостью, а между тем эта нелепость до сего времени еще не изжита. Необходимость сбыта малоходких, а иной раз и низкокачественных товаров и ускорение оборота, побуждала наши хозорганы отпуск ходовых товаров обуславливать приобретением малоходовых." (45) Это положение вынуждало частного торговца делать еще более высокие накладки на ходовые товары, чтобы скомпенсировать убытки при приобретении «нагрузки». Лишь крупные скупщики могли оперировать различными видами товаров, получая при этом значительные прибыли. Отмена принудительного ассортимента должна была явиться стимулом к улучшению трестами качества своих фабрикатов и к сокращению производства неходовой продукции, находящей сбыт с большим трудом даже в условиях товарного голода. Этому моменту должно быть уделено должное внимание, так как государственные предприятия, ощутив себя «государственными», перекладывали бремя ответственности за свою продукцию на патрона. Государство же, проводя политику снижения цен, фактически выводило предприятия из зоны влияния рыночных механизмов, усиливая, тем самым,

зависимость производителей от властных структур. В такого рода взаимодействии виделся залог плановости, а значит «социалистичности» данного типа отношений.

Для стабилизации положения с ценами, рекомендовалось упорядочить отпуск товаров частнику. «Независимо от того, в какой товаропроводящий канал товар передается, то есть кооперации, мелко-оптовой торговле или частному торговцу, - отпуск товаров Синдикатом должен обуславливаться принятием со стороны посредника на себя обязательств доставить товар потребителю со строго определенной надбавкой, в зависимости от ступени этого посредника.» (46) Такого рода отношения нашли свое выражение в «новой торговой практике». А.Микоян, нарком внутренней и внешней торговли, так оценивал эту кампанию: «Сейчас проводятся следующие опыты с частником: государственные торговые организации снабжают его в организованном порядке товарами с условием, что он получит товар по определенной цене и обязуется продавать его также по определенным ценам. Мы даем ему нормальную прибыль и известную нагрузку его предприятиям, чтобы он не искал нелегальных источников получения товаров.» (47) Тресты и синдикаты, пользуясь тем, что их товар продается легко и по высоким ценам, предпочитали частника, который платил наличными и немедленно, а также пытались развернуть свою собственную сеть лавок и магазинов. Что касается кооперации, то тресты и синдикаты неохотно шли на продажу ей больших партий товаров, ссылаясь на неумение торговать, на высокие накладные расходы, на множество передаточных инстанций от кооперативного опта к конечному первичному звену. (48) Идя по такому пути, некоторым синдикатам удавалось реализовать до 90% товаров, предназначенных в розничную торговую сеть. (49)

В данном случае мы имеем позитивный пример государственного регулирования. Была реальная возможность сбалансировать интересы некоторой группы государственных предприятий и частных торговцев. Отмечалось, что «частники весьма охотно заключали соответствующие договоры. Может быть, во многих случаях эти договоры вызывались не столько коммерческим расчетом частников, сколько опасением торговать мануфактурой по высоким ценам. Так или иначе, торговцы шли на условия ВТС.» (50) Для торговцев такой договор гарантировал стабильное поступление товаров, с одной стороны, и выводил из-под огня репрессивных мероприятий, с другой. Появлялась легальная возможность продолжать свое дело.

существовать рядом с обобществленным сектором. Такого рода компромисс дал свои результаты - цены частной торговли снизились.

Однако политика планового снабжения частника продолжалась не долго. Уже к концу 1927 г. договоры стали расторгаться по инициативе государственных предприятий. Цены частной торговли, в условиях товарного голода, вновь поползли вверх. Потребитель от этого только проиграл.

В компетенцию комиссии по борьбе со спекуляцией, помимо уже перечисленных нами функций, входила задача проведения обследований рынка. Так, с 16 ноября 1925 г. по 4 мая 1926 г. Областными и Округовыми комиссиями был проведен ряд обследований государственных, кооперативных и частных торговых заведений, а также ряда первичных сельских и городских кооперативов. По роду торговли были охвачены все группы товаров. (51) По мнению членов комиссии, основными причинами спекуляции и ажиотажа являлись: « а) слабая работа кооперативного инструкторского аппарата; б) недостаточное регулирование торговли на местах представителями органов Наркомторга; в) бюрократизм и формальное отношение к делу со стороны руководителей торгующих организаций (в особенности кооперации) и задержка в снабжении низовой сети товарами; г) отсутствие достаточного учета спроса и предложения на рынке, в результате чего товары даже по оптовым запородам проходили ненужных посредников; д) недостаток промышленных товаров.» (52)

Комментируя эти положения, следует отметить, что все они справедливы и объективно отражают ситуацию на рынке. Однако, их иерархия строится исходя из постулата о прогрессивности плановых начал. Если же происходят сбои и кризисы, то в этом виновата не плановая система, а люди, недостаточно четко выполняющие инструкции. Руководители государства находились под воздействием *Мифа* о том, что в Советском Союзе построены самые прогрессивные отношения по воле передового класса - пролетариата, и, следовательно, изменениям должны подвергаться не отношения, а люди, недостаточно полно воспринявшие новые идеи. Такого рода мироощущение характерно для традиционного общества, в котором мифы живут самостоятельной и отнюдь не ирреальной жизнью.

Репрессивные мероприятия властей, нацеленные в первую очередь, на человека, были призваны сделать его лучше, а при необходимости исправить. «Система мероприятий, направленная к ликвидации спекуляции, - отмечалось в материалах комиссии,-

должна быть двойкой: с одной стороны, коренная и жестокая чистка аппаратов всех хозорганов и госпредприятий от элементов, потворствующих или способствующих спекуляции - путем искусственного вздутия цен, выдержки товаров, предоставления значительных партий товаров в руки заведомых скупщиков, - и привлечение их к суду вместе со скупщиками, не останавливаясь перед применением к виновным самых суровых наказаний, как к врагам рабочего класса; а с другой - и определенная регламентация в области лимитации розничных цен.» (53) Вновь классовому, идеологизированному подходу отдается приоритет, а меры в области экономического регулирования отодвигаются на второй план. Примечательно, что в материалах комиссии содержится оговорка о нежелательности использования силовых методов. «Правда, при свободе конкуренции и частного оборота такое явление не совсем нормально и даже, пожалуй, нежелательно, однако, как временная мера, она может принести определенную пользу.» (54) Это высказывание всего лишь реверанс в сторону нэпа, который вроде бы еще не отменен, но декларируемые им положения уже коренным образом отличаются от духа директив партии и правительства.

Еще одно положение в материалах комиссии вызывает интерес, так как не совсем вписывается в рамки общей концепции, предложенной авторами, «Перечисленные недочеты торгового аппарата массового явления не представляли. В общем *на Урале частный капитал, занятый в оптовой торговле, не велик и большого значения в отношении взвешивания цен и дезорганизации рынка иметь не мог.* (выделено нами - К.А.)» (55) Организационные выводы, сделанные по итогам обследования, подтверждают этот тезис цифрами. На основании полученных обследованных материалов снято с работы руководителей в кооперации - 8, в государственной торговле - 6. Возбуждены 24 следственных дела, из них по кооперации - 11, по госторговле - 10, по частной торговле - 3. (56) Такое положение вещей вполне закономерно, так как руководители государственных предприятий, которые имели возможность и желание использовать существующие экономические механизмы сбыта своей продукции, с неизбежностью должны были подчиняться условиям рынка, устанавливать цены исходя из реального соотношения спроса и предложения. Это являлось предосудительным и даже наказуемым деянием, так как противоречило с планам, утвержденным руководящими органами. Доминирование идеологических мотивов особенно выразительно подчеркнуто в заключительной части материалов комиссии. По своему стилю они

напоминают воззвание революционной поры, а по духу - близки периоду 30-х годов: "...спекуляции и спекулянтам должна быть объявлена самая решительная и беспощадная война, как предателям, стремящимся к свержению власти рабочих и крестьян. Надо надеяться, что лица, до сего времени так или иначе причастные к спекуляции, поймут серьезность момента, учтут решительность и беспощадность Со-ветской власти при защите интересов рабочего класса и крестьянства и не только немедленно прекратят сами свою зловредную деятельность, но и окажут содействие в изжитии того тяжелого положения, к которому они привели своей деятельностью. Со-ветская власть не мстит исправившимся, но без всякого снисхождения уничтожает тех, кто будет продолжать гнусную и предательскую работу спекулянта. Об это мы громко заявляем и пусть прислушаются те, кому об этом знать подлжит, ибо промедление для них «смерти подобно». (57) Несомненно, в этих строках звучит призыв к применению к спекулянтам всего спектра силового воздействия государственного аппарата.

Среди целого ряда мероприятий правительственной политики в отношении частного предпринимательства следует остановиться на так называемом «экономическом регулировании на транспорте». Этот исторический факт является примером того, как проводимая в массовом порядке кампания, не учитывающая местной специфики и особенностей региона, приводит к негативным последствиям. Так, в 1925/26 гг. по ряду причин в районах промышленного маслоделия существовала энергичная конкуренция внеплановых заготовителей с кооперативными маслозаводами.

Например, для Курганского округа ситуация характеризовалась современниками следующим образом: "Казалось бы, участие частного в маслозаготовках в размере 10% к заготовкам основных маслозаготовителей возможно было бы признать допустимым. В действительности же оно имело одни отрицательные стороны, ибо частник в погоне за маслом и при возможности реализации заготовленного масла на иногородних рынках по более высоким ценам, чем в Кургане, уплачивал за масло на 20% выше основных заготовителей и тем самым вносил дезорганизацию в заготовки масла." (58)

Выступая на стороне кооперации, государство ввело «экономическое регулирование на транспорте», выразившееся в запрете свободных отправок масла по железной дороге от частных лиц. Мера, отметим, носившая в значительной степени административный ха-

ракет. Но эта мера, понизив спрос внеплановых заготовителей в районах промышленного маслоделия, вместе с тем понизила спрос и в других районах, которые ни плановыми заготовителями, ни кооперацией в достаточной мере не обслуживались. Отсутствие учета местных условий привело к тому, что рынок молока не получил возможного для него развития. (59)

В этом ряду стоят и некоторые мероприятия властей, которые были направлены на обобществленный сектор, но в итоге вели к дисбалансу на рынке. В рамках кампании по рационализации, нормализации и экономии в Уральской области в 1926/27 гг. были закрыт ряд представительств синдикатов и трестов. «Совершенно определенно можно говорить о том, что Пермский рынок пострадал от ликвидации отделений ВТС и Резинотреста, Свердловский от ликвидации Текстильторга, Тюменский от ликвидации ВТС, Челябинский от ликвидации Москвошвея и т.д. Если не произошло ничего вредного от ликвидации Ленинграджиртреста, то закрытое отделение Госметра было восстановлено в начале 1927/28 гг. Закрытие ряда представительств дало экономию в расходах, но зато каких-то услуг не стало.» (60) В случае кризиса сбыта и перегрузки местной торговой сети, представительства трестов и синдикатов могли сыграть роль страхового канала сбыта.

В 1926/27 гг. проводились также мероприятия по форсированному укрупнению кооперативов, слияние однолапочных в многолапочные. В некоторых случаях, как и следовало ожидать, в ходе кампании укрупнение происходило без достаточных организационных и ком-мерческих оснований. К концу года произошел некоторый откат, как реакция на необоснованное укрупнение. (61)

Эти примеры свидетельствуют о несбалансированной политике государства не только в отношении частного предпринимательства, но и применительно к обобществленному сектору. Стремление увеличить, прежде всего количественно, роль госторговли и кооперации приводило к кризисным последствиям, так как осуществлялось силовыми методами без учета экономической целесообразности. Такая линия объективно приводила к усилению роли частной торговли, потому что потребитель, не обнаружив необходимого в госторговле, вынужден был прибегать к услугам рынка («колхозного», «черного», «нелегального» - эпитет мог быть самым разнообразным). Усиление же частника представлялось государством в виде угрозы «пролетарским завоеваниям».

Нами уже отмечалось, что чрезвычайно важен был Дух прави-

тельствующих мероприятий. *Линия* на регулирование частного воспринималась как собственная задача всеми государственными органами от ВСНХ до милиционера. Мелочный контроль шел во вред торговле - это понимали и сами руководители. В подтверждение этого, приведем высказывания членов Облисполкома на совещании посвященном вопросам частной торговли.

Тов.Сивков: "В Курганском округе случаи ...продажи и покупки рыбы сопровождаются очень часто принудительным отбиранием этих продуктов. Это явление приобретает нездоровый характер."(62)

Приведем еще несколько бытовых зарисовок, которые иллюстрируют уровень развития рынка на Урале. «Когда административные органы замечали крестьянина, приезжающего на рынок регулярно, они начинали в это дело вмешиваться. Например, привозят воз картошки - милиционер для порядка установления очереди вмешивается в это дело, а крестьянин смотрит на это дело так, что сегодня милиционер регулирует очередь, а завтра у меня отнимет все. Тогда крестьянин идет по пути меньшего сопротивления, он продает свою продукцию прасолу, забирает деньги и уезжает, а прасол по двойным ценам продает продукты первой необходимости.» (63) Тов.Хорош: "По приезду на рынок крестьянин рассматривается как частный торговец, поэтому наш аппарат облагает его налогом, а если данный торговец несколько раз приезжает, то мы заставляем его брать патент.» (64) Ему оппонирует тов.Польгов: "Когда происходят заготовки, скажем Облторга, то крестьянин старается продать, чтобы получить деньги, а если он приедет на рынок, и несколько раз, то ему предлагают «возьми патент». А когда он берет патент, то его считают спекулянтom, поэтому такая политика выколачивания денег посредством патентов не достигает цели. Крестьянин лучше не повезет на рынок, но не будет брать патент." (65) Тов.Попов: "По линии кустарей, тов.Хорош, нужно дать специальное поручение посмотреть в чем тут дело. *Кустарей и ремесленников не в наших интересах зажимать. Сейчас не найдешь кто бы починил сапоги. Рабочие начинают об этом разговаривать.* (выделено нами - К.А.). Необходимо также сейчас усилить организацию кооперативных сапожных и пошивочных мастерских. У нас есть кооперативная сапожная мастерская, это около дома Крестьянина, где очередь стоит по 50-60 человек. Затем в отношении административных органов. Я думаю, Вам нужно поменьше регулировать. В Златоусте была такая история. Стали привозить муку и милиционер стал регулировать по 5 и по 3 фунта выдавать и в конечном счете базар совершенно прекращен. Надо

отказаться милиционерам регулировать, люди сами будут регулировать, а самое главное, нам надо усилить работу насчет кооперации." (66) Высказывания весьма примечательные, так как выдержаны в духе здравого смысла. Отметим, что относятся они к 1930 г., когда даже столь незначительные проявления частной инициативы регламентировались. Стремительно сокращалась и сфера услуг, во многом питаемая частным предпринимательством.

Мелочный контроль за распределением товаров был вызван не только инициативой административного аппарата, но и ростом дефицита продуктов. Становилось все меньше объектов для торговой деятельности. Показателем этого процесса явился переход на нормированное распределение товаров широкого потребления, введение заборных книжек или карточек. В сферу распределения входили работники кооперации городов, промышленных центров и новостроек. В некоторых районах на карточную систему стали переходить уже в 1928 г., но повсеместно она была введена в первые месяцы 1929 г. Бюро Уралобкома ВКП(б) 1 марта 1929 г. рассмотрело и утвердило предложения Уралоблисполкома о нормах выдачи хлеба различным категориям трудящихся. Позднее были установлены нормы снабжения другими продуктами и товарами. (67) В основу карточной системы был положен классово-производственный принцип. Заборные книжки выдавались только лицам, источником существования которых были трудовые, по мнению властей, доходы. (68) Частные торговцы, лишённые избирательных прав, к этой категории не относились и выпадали из системы нормированного личного распределения.

Введение карточной системы еще более смещало ориентиры государственной политики от рынка к идеям прямого продуктообмена, который виделся как идеальный. Некоторые экономисты считали, что от системы заборных книжек должен быть совершен переход не к свободе выбора товара на основе товарно-денежных отношения, а к «свободе выбора продуктов на основе системы продуктообмена.» (69) Именно эти идеи подталкивали местные власти и торговые организации к нормированному отпуску даже не дефицитных товаров, в результате чего происходило замораживание товарооборота и ухудшение обслуживания населения. (70) Ответной реакцией на этот процесс можно объяснить критические высказывания в адрес регулирующих органов на совещании в Облисполкоме.

Нормированное распределение и рост плановых заготовок

сельскохозяйственной продукции существенно сужали сферу деятельности частного торговца. Параллельно с этим шел процесс усиления силовых мероприятий государства, которые носили день за днем все более ярко выраженный репрессивный характер.

В директивах, данных на места в декабре 1927 - феврале 1928 гг., ЦК ВКП(б) определил конкретную программу действий для местных партийных, советских, кооперативных и общественных организаций, в том числе, предложил пересмотреть налоговое обложение торговцев хлебом, нарушающих установленные заготовительные цены, применять к злостным спекулянтам статью 107 Уголовного кодекса РСФСР. (71) Естественно, что постановление центрального партийного органа было спроецировано на местном уровне и Уралобком принял аналогичное решение. Усиление нажима на частного предпринимателя, все больше проблем, связанных с ним, стали решаться судебными органами в уголовном порядке. Логическим завершением этого процесса явилось принятие в августе 1932 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией», которое предусматривало, как минимальное наказание, лишение свободы сроком на 5 лет и конфискацию имущества. (72)

Мероприятия властей вынуждали частного торговца уходить в тень, в подполье, переходить на нелегальную форму деятельности. По мнению В.М.Куликова, в массовом порядке этот переход стал осуществляться с 1928 г. (73) Это явление имело объективные причины. Уже отмечалось, что частная торговля существовала на протяжении всего периода рождения, становления и развития Советского государства, в зависимости от условий меняя свои формы. Потребность в свободном рынке существовала и в конце 20-х гг., но реализоваться она могла лишь в нелегальных формах.

При рассмотрении проблем репрессивной политики государства по отношению к нелегальным формам торговли, несомненно, предпочтение должно отдаваться неопубликованным, архивным материалам. В связи с тем, что аналитические материалы государственных органов имели ограниченный доступ, содержащаяся в них информация носит более насыщенный и менее идеологизированный характер.

Обратимся к материалам Уральского областного финансового отдела (УралФО), посвященным «борьбе с нелегальной деятельностью частного капитала в торговле». В документах отмечается, что нелегальная деятельность частника возрастает, при полном отсутствии легальных предприятий. Проведенные обследования в крупных

городах Урала (Свердловск и Пермь) дали картину массового перехода частных торговцев на незаконные формы деятельности. В Свердловске в 1928/29 г. было зарегистрировано 938 предприятий и выявлено нелегальных - 325, в 1932 г. на 46 зарегистрированных приходилось 2041 незаконных предприятий (причем, последняя цифра дает данные лишь за I квартал) (74) (Подробнее см. таблицу N 8 Приложения.) Основными источниками товаров служили «хищения и злоупотребления на базах, складах и магазинах государственных и кооперативных торговых организаций, большинство которых поражены хищениями, вследствие засоренности аппарата чуждыми элементами, недостаточностью поставленного учета...». (75) Опять же причины виделись в людях, не желавших воспринимать новые отношения. Борьба с нарушениями проводилась посредством создания аппарата контроля. В него входили как органы фиска, так и специально созданные в городе Свердловске инспекторские участки. Активно привлекались правоохранительные органы и налоговый актив, последний стимулировался материально через «выдачу премий и открывательского вознаграждения». (76)

Начальной мерой пресечения деятельности нелегальных частных торговых предприятий были штрафы. Огромный объем работы вынуждал на практике упрощать процедуру до минимума, принимать решения на месте, руководствуясь при этом классовыми принципами. «Практика налоговой работы, - отмечалось в материалах Урал-ФО,- показала, что установленный сложный порядок исчисления предположительных оборотов, доходов и т.д., в борьбе с нелегальным частником не применим. Фактически налоговые органы при выявлении нелегальных частников определяют размеры аванса и штрафа в соответствии с количеством обнаруженного товаров, социальным положением лица, злостностью нарушения. Обычно во всех без исключения случаев выявленные нелегальные частники не выбирают регистрационное удостоверение на торговлю и дальнейшее производство с ними окончательных расчетов как с закрывшимися является простой, ненужной формальностью». (77)

Такого рода процедура могла являться благоприятной почвой для злоупотреблений. Отсутствие правил о порядке оформления конфискованных товаров приводило, в ряде случаев, к передаче продуктов и товаров в столовые, использовании их для собственных нужд. При этом финансовые органы не ставились в известность. Традиции экспроприации вновь давали о себе знать. При рассмотрении дел строго выдерживался классовый принцип.

Отметим, что бывшие торговцы попадали в поле зрения инспекции реже, чем такая категория граждан как «рабочие и служащие». (Подробнее см. данные, приведенные в таблице N 9 Приложения.) Это свидетельствует, с одной стороны, о широком распространении торговой деятельности как побочной в самых широких слоях населения, а с другой, о способности профессиональных торговцев избегать контроля. В то же время, отчетливо просматривается тенденция на сокращение числа профессиональных торговцев, так как этот вид деятельности становился довольно рискованным.

Эти моменты нашли свое отражение в материалах УралФО: "Продажа на рынке нескольких килограммов продуктов и прочего приводит к раскрытию целых тайных складов подобных товаров - нескольких тонн муки, мыла и прочего. Поскольку наряду с этим на рынке наблюдаются многочисленные случаи мелкой продажи вещей зачастую трудящимися, разного рода инвалидами и прочее - разграничение этих двух видов представляет основную трудность работы, влечет к искривлениям налоговой политики, с одной стороны, и значительной неполноты выявления действительных спекулянтов, с другой." (78) Меры борьбы со спекуляцией предлагались исключительно административные, при помощи организованного фискального и репрессивного аппарата, поставленного, в свою очередь, на службу государству.

Особое место в системе репрессивных мероприятий, направленных против частных торговцев, занимало лишение их избирательных прав. Поражение в гражданских правах по отношению к целой социальной группе носило ярко выраженный дискриминационный характер и, помимо лишения права участвовать в выборах, фактически ставило человека вне общества. Таким образом, формировалась определенная каста ущемленных в социальной структуре нового общества.

Процесс лишения был не сложен. Накануне выборов публиковалась Инструкция ВЦИК, в которой оговаривались категории граждан, подлежащие лишению избирательных прав. Так, например, в Инструкции 1926 года в статье 14, пункт «б» говорилось, что «Конституция РСФСР лишает избирательных прав лиц, живших или живущих в настоящее время на нетрудовые доходы, а также занимавшихся или занимающихся ныне торговлей.» Статья 15 детализировала это положение, в ней говорилось, что не могут пользоваться избирательными правами: среди прочих, пункт «в» - земледельцы, занимающиеся наряду с земледельческим хозяйством скупкой и пере-

продажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла (барышники-прасолы); пункт «з» - частные торговцы и перекупщики; пункт «и» - частные торговые и коммерческие посредники. (79) В пункте «и», статьи 15 оговаривалось, что лишаются и члены семей, в тех случаях, когда они находятся в материальной зависимости от лиц, лишенных избирательных прав, и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно полезный труд.

В статье 16 оговаривались исключения из общего правила, то есть те граждане, которые не могли быть лишены избирательных прав. Пункт «в» - лица, занимающиеся сельским хозяйством и сбывающие продукты своего труда на рынок ; пункт «ж» - лица, в силу особых причин занимающиеся мелкой торговлей, как то: инвалиды труда и войны, торгующие по бесплатным патентам Народного Комиссариата социального обеспечения, безработные рабочие и служащие (состоящие на учете посреднических бюро труда), выбирающие патент первого разряда, если это занятие для них является временным.

Основанием для лишения избирательных прав частного торговца служили справки финансовых органов о выборке патента и об аренде торговых помещений. Механизм выборки патентов был сорентирован на органы фиска, которые стремились к максимально широкому охвату частных торговцев и предельным ставкам налогообложения. Такого рода ситуация приводила к тому, что под категорию лишенцев подпадала значительная часть населения. Среди них были не только торговцы, но и те, кто исходя из букв закона (ст.16) не должен был лишаться избирательных прав.

Если учесть, что ущемлению в гражданских правах подвергались и члены семей, то общее количество лишенцев еще более возрастает. Списки лишенцев составлялись местными Советами накануне выборов, причем не всегда основанием для решения служил документ финорганов. В деревнях, в небольших населенных пунктах в торговцы могли быть записаны граждане, считавшиеся таковыми по мнению руководства или исходя из сведений полученных от соседей. В случае подачи сведений финорганами, они подавались на всех, кто когда-либо выбирал патент, как торговавших до этих выборов и закончивших торговлю, так и на членов действующих, на момент составления отчета, частно-торговых предприятий. Это положение вызывало зачастую недоумение у лишенцев. Вот строки из заявления Банных Степана Матвеевича, датируемые январем 1929 года: "...я не

чувствую никакой причины за собой чтобы я был торговец в нынешнем году, а если за прошлые года тогда все торговали нужно всех лишать права голоса. Несправедливо и пушай укажет факты, что я торговал в нынешнем году..." (80)

Приняв решение, избирательная комиссия местного Совета уведомляла о нем гражданина, который в недельный срок мог подать апелляцию. Заявление гражданина рассматривалось поэтапно избирательными комиссиями различного уровня и, в случае отказа на уровне района или округа, могло поступить в Областную избирательную комиссию. Эти дела составляют на сегодняшний день объемный массив документов, часть которого была нами изучена. (81) Процесс восстановления в избирательных правах занимал значительно больше времени, чем акт лишения. Порой на это уходили годы.

Отметим, что одним из условий восстановления в правах бывших торговцев, было наличие пятилетнего стажа производственного и общественно полезного труда, а также свидетельства лояльности в отношении Светской власти. (82)

Но все усилия гражданина были вполне оправданы, так как лишение избирательных прав влекло за собой целый ряд существенных ограничений. При этом часть из них не имела под собой законного основания и осуществлялась местными органами власти в рамках «революционной целесообразности» по личной инициативе. Это явление приобретало чрезвычайно широкий размах и, даже с точки зрения государственных органов, нуждалось в регламентации. С этой целью 10 апреля 1930 г. ВЦИК принял постановление «О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочивании производства дел, касающихся избирательных прав граждан.» (83) В пункте 9 Постановления говорилось - "предложить ЦИКа́м автономных республик, краевым и областным исполкомам, наркоматам и кооперативным центрам РСФСР и другим учреждениям и организациям в десятидневный срок отменить все постановления, циркуляры и распоряжения, устанавливающие какие-либо дополнительные ограничения, установленные только по признаку лишения избирательных прав и не предусмотренных законодательством Союза ССР и РСФСР, в отношении лиц лишенных избирательных прав, и членов их семей, как-то: выселение из квартир, городов, рабочих поселков, сельских и других местностей, лишения заборных книжек, лишение медицинской и юридической помощи, отказ в приеме жалоб и выдаче справок, исключения детей из школ, исключение из членов промысловых артелей, раскулачивание, обложение в инди-

видуальном порядке налогами и сборами, лишение права застройки, муниципализация строений и прочее.» (84)

К прочему относились следующие ограничения - невозможность служить в кадровых частях Красной Армии, а лишь в тыловом ополчении; запрет на поступление в ВУЗы. Крестьяне-лишенцы были вынуждены платить дополнительный налог - 10 рублей в месяц за невозможность выполнять должность сельского исполнителя, функцией которого являлось созывать народ на сход. Лишенцев не принимали на работу и они в первую очередь подвергались увольнению. В этой связи понятно стремление граждан добиться восстановления своих прав в полном объеме. Как правило, местные органы власти подходили к рассмотрению жалоб лишенцев более строго, чем вышестоящие. Это понятно, так как восстановив в правах они признавали бы тот факт, что первоначально была допущена ошибка. Но даже до областного уровня доходили дела граждан, лишенных избирательных прав без каких-либо на то оснований. (85)

* * *

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЧАСТНО-ТОРГОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В последнее время большинство историков сходятся во мнении, что социальным аспектам в научных исследованиях прошлого уделялось мало внимания. В действительности же, люди с их судьбами и индивидуальными чертами являются реальными действующими лицами истории, и их поступки, образы всегда будут волновать мысль, воображение потомков. Однако, меньшее внимание к социальным аспектам было обусловлено не только нежеланием исследователей, но и трудностями освещения данной проблематики. Сделать те или иные выводы в области экономической истории можно опираясь на строгие ряды цифр, изучение же социальной истории требует более сложного, комплексного подхода, предельной научной ответственности.

Обращаясь к социальным аспектам частно-торгового предпринимательства в 20-е годы XX века, исследователь объективно сталкивается с целым рядом трудностей. Этот период характеризуется острыми социальными изменениями, имеющими характер катаклизмов. Рушилась старая и создавалась новая структура общества. Этот процесс шел болезненно, так как был инициирован

сверху новой властью и не имел под собой, зачастую, прочной базы. Отметим, что в России до Октября 1917 г. путь формирования общественного организма характерного для буржуазного, промышленно развитого общества, еще не был завершен. Формирование «третьего сословия» шло под гнетом архаических отношений и испытывало, в силу этого, разного рода деформации.

20-е годы являлись периодом чрезвычайно динамичных процессов, когда все социальные группы подвергались изменениям. Несомненно, что эти особенности придают рассматриваемому периоду исключительное своеобразие и привлекают внимание исследователей. Но задача сделать социальный срез общества, пусть даже небольшой его части, в подобном состоянии является очень сложной. С другой стороны, используемый исследователями классовый подход, оперирующий довольно-таки крупными категориями, не отражал, в полной мере, всего спектра социальной жизни "Пролетариат", "крестьянство", "буржуазия"- используя такие категории, частного торговца помещали в разряд «мелкой буржуазии». Такая классификация не отражала всей полноты явления, обедняла его. На эту проблему обращали внимание исследователи 20-х годов. В их среде проходили дискуссии о степени «буржуазности» торговцев, принадлежавших к тому или иному разряду. (Так, например в работах Ю.Ларина и С.Струмилина)

Большой проблемой для исследователя является поиск материалов освещающих социальный облик торговца. Уже отмечалось, что частный предприниматель в силу специфики своей деятельности не стремился к широкой огласке, «не светился». Исходя из идеологической установки на неизбежное вытеснение буржуазных элементов из оборота, то; говец воспринимался властями как объект критики и нападков, а отнюдь не в качестве объекта изучения. Больше внимание уделялось противопоставлению обобществленного и частного секторов. Поэтому, частный торговец рассматривался исключительно через призму борьбы нового со старым. Такой подход исключал исследование личности.

Опираясь крупными категориями, экономисты рассматривали исключительно число занятых в частной торговле, с одним лишь подразделением на самих торговцев с членами семей и используемую ими наемную силу. (1)

Очевидно, что первичные документы, исходящие из торговой среды, должны представлять большой интерес. Мы вновь обращаем внимание на дела лишенцев. В них содержатся материалы о социаль-

ном происхождении и реальном положении торговца, сведения о побудительных мотивах к занятию торговлей и прочее. Используя эти материалы, в комплексе с другими источниками, можно сделать попытку нарисовать образ торговца 20-х годов.

В предшествующей историографии советского периода, в угоду идеологическим установкам, научное изучение частника заменялось пропагандистским клише. Как уже отмечалось, мифологичность сознания является атрибутивным свойством общества, организованного по тоталитарной модели. Различного рода кампании властей, в разнообразных своих проявлениях, были направлены на конкретный образ врага и снабжены соответствующим *Мифом*. Порой этот миф становился более «живым», чем реальность, и воспринимался как истинный еще на протяжении многих лет. В галерее исторических персонажей советского периода, наряду с портретами "*контрреволюционера*", "*кулака*", "*врага народа*" и тому подобное, присутствовал образ "*нэпмана*".

Даже сегодня в обыденном сознании он предстает в образе толстого человека, одетого по моде 20-х годов, с упитанной женой идущей с ним под-руку. Он курит дорогие сигареты, проводя время в праздности, гуляя в ресторанах. Эти и подобные им образы, почерпнутые нами из кинофильмов, книг рисовавших картины "*нэпманского угара*".

Нэпман представлялся в виде уменьшенной копии капиталиста, чужеродного предмета, пережитка прошлого без каких-либо прав пролезшего в "*новый мир*". Нэпман рисовался как существо ограниченное, лишенное интеллектуального потенциала, с мещанскими вкусами и барскими замашками. Утрируя, можно было бы представить нэпмана в образе толстой свиньи, плотно поевшей желудей, лежащей в луже и хрюкающей от удовольствия.

Приведенная ниже цитата из воспоминаний американского журналиста Мориса Хиндуса, дает подтверждение существованию мифа о нэпмане. «Они придумали новое слово - «нэпман» - и ни один человек, если он не побывал в России, не может понять, что означает это слово, возникшее в этой стране. Нэпман - символ вырождения, объект презрения и оскорблений! Пария, социальная свинья! Главный злодей на сцене, злодей в кинематографе, злодей в повседневной жизни! Нэпман - ярлык, ругательство, анафема!» (2) В описании журналиста образ нэпмана выглядит еще менее привлекательно.

Рисуя портрет частного предпринимателя столь крупными мазками, за образец брался наиболее обеспеченный, но отнюдь не самый

многочисленный слой торговцев. Именно образ наиболее преуспевающих дельцов разительно контрастировал с жизнью большинства населения, испытывающего нужду и голод. С точки зрения властей было логично обвинить в этом бедственном положении именно богатых, не акцентируя внимание на провалах в собственной политике. Нарисованный с пропагандистскими целями, плакат с изображением нэпмана должен был сориентировать общественное недовольство в строго определенном русле. Именно государство представлялось в роли спасителя, так как оно возглавляло борьбу против богатых. А общественное недовольство было призвано освящать деятельность властей по ликвидации частника.

Однако, следует отметить, что в карикатурном или пугающем изображении нэпмана были подмечены черты, действительно имевшие место. Нувориши жили одним днем, прожигая жизнь, трата достаточно солидную часть прибыли на собственное потребление. Эта вызывающая, купеческая роскошь была характерна для обогатившихся деклассированных социальных слоев. Картина нэпа столь сильно контрастировала с провозглашенными идеалами, что вызывала у многих шоковую реакцию.

Так, например, для меньшевистского лидера Ф.И.Дана, легализация частной торговли в 1921 году явилась сигналом того, что большевики выбросили за борт фундаментальные идеалы Революции. Дан был выпущен из тюрьмы в январе 1922 года и в течение недели бродил по улицам Москвы, перед тем как его выпустили за границу. Он был шокирован зрелищем пышного и безнаказанного разгула нэпманства по всей столице: "Эта (новая частная - К.А.) торговля отчетливо имела дело главным образом с роскошью «новых богатых», бесстыдно выделяющихся на фоне общего истощения и ужасающего голода, тревожное эхо которого достигало Москвы в виде сообщений о широко распространенных смертях, ужасных случаях каннибализма и так далее. Но все эти сведения появлялись как если бы приходили с другой планеты, а Москва веселилась, ублажая себя пирожными, замечательными леденцами, фруктами и деликатесами. Театры и концерты были набиты битком, женщины снова гордо выставляли роскошные одежды, меха и бриллианты. «Спекулянт», который вчера еще находился под угрозой казни и тихо стоял в сторонке, пытаясь не привлекать внимания, сегодня уже считал себя важной персоной и гордо выставлял напоказ свое богатство и роскошь. Это заметно в каждой мельчайшей детали. Снова после ряда лет можно было услышать из уст извозчиков,

официантов и носильщиков на станциях раболоепное выражение, которое полностью исчезло из употребления - «барин». (3) Как видим, подобные яркие образы нэпмана имели под собой основание и не случайно прочно укрепились в нашем сознании, приобретая характер стереотипа.

Но категория частных торговцев не была столь однородна и живописна. В орбиту предпринимательских отношений втягивались миллионы граждан государства. Торговля переставала быть сферой деятельности лишь специалистов, а превратилась в образ жизни человека, в способ выживания.

В своей монографии американский историк А.Балл отмечает, что в реальности, слабая распределительная система государства и нехватка самых существенных потребительских товаров означали, что частный рынок, далекий от исчезновения, представлял наиболее важный источник снабжения для русских людей.» (4) В качестве документа, А.Балл часто использует воспоминания Виктора Сержа, которые дают живой материал о ситуации в частной торговле периода военного коммунизма и нэпа. (5)

Приведем некоторые воспоминания В.Сержа. "Несмотря на мои специальные пайки как правительственного служащего, я бы умер с голоду без низких манипуляций на черном рынке, где мы при-торговывали мелкими вещами, которые мы привезли из Франции... Фактически, чтобы есть было необходимо обращаться, ежедневно и без перерыва на черный рынок; коммунисты делали это как всякие другие... Слова святого Павла, которые были вывешены везде на плакатах: "Кто не работает, да не ест!" становились ироничными, потому что если вы хотели какой-нибудь пищи, вы на самом деле должны были посещать черный рынок вместо того, что-бы работать.» (6)

Еще один современник этих событий, Томас Ремингтон, сообщал, что шутка дня была: *"Национализация торговли означает, что весь народ торгует."* (7) Эта фраза могла бы послужить эпиграфом к данному параграфу, так как предельно точно характеризует ситуацию. Оговоримся, что данные воспоминания относятся к периоду военного коммунизма, когда ситуация была намного сложнее и легальные каналы распределения практически были парализованы. Период нэпа, в этом отношении, был уже более благоприятен и роль черного рынка далеко не всеобъемлющей.

Однако торговлей занимались по-прежнему практически все социальные слои и группы. В торговую деятельность включались не

только отдельные граждане, но и организации, ничего общего с распределением не имеющие. Так, по данным учета торговли за 1924/25 и 1925/26 годы по Уралу, торговые патенты выбирали - Окрземуправление, ОкрОНО, Местхозы, РИКи, места заключения, учебные заведения и так далее, вплоть до Окрвоенкоматов и почтово-телеграфных контор. Не меньше пестроты было и в перечне общественных организаций, ведущих торговлю. Это клубы и пожарные дружины, театры и Авиахим, и даже Союз безбожников. (8)

Торговые обороты всех этих организаций были невелики и составляли в 1924/25 г. всего 1,2 млн.руб., а в 1925/26 - 2,3 млн.руб.. (9) Для нас показательным является само обращение государственных и общественных организаций к торговой деятельности, позволявшей им решить, пусть частично, свои хозяйственные проблемы.

Таким образом, слой населения, занимающегося торговлей еще более расширялся и практически не поддавался учету. Виктор Серж писал в своих воспоминаниях: "Мелкие торговцы внезапно возникали повсюду, толпы штурмовали рынки, трактиры извергали свою музыку, босые мальчишки бегали по улицам на рассвете, догоняя экипажи извозчиков, чтобы предложить цветы влюбленным." (10)

От этой лирической картинки перейдем к языку цифр. Количество занятых в частном секторе превосходило число трудящихся в общественном хозяйстве. Так, в 1923/24 г. они составляли 81,7% от всего занятого населения Урала, сократив свое число к 1926/27 г. до 76,9% (См. данные таблицы N 10 Приложения). В предложенных данных отсутствует подразделение частного сектора по сферам деятельности. Однако известно, что торговлей занималось подавляющее большинство частных предпринимателей.

Материалы приведенные в целом ряде исследований, а также данные личных дел лишенцев свидетельствуют о том, что в своей основной массе граждане прибегали к торговой деятельности в годы нэпа впервые и ранее не были связаны с распределением. Л.Ф.Морозов отмечает, что в значительной своей части нэпманская буржуазия состояла из лиц не занимавшихся до Октября 1917 года капиталистическим предпринимательством. Исследователь справедливо обращает внимание на те структурные изменения, которые претерпевало общество в 20-е годы. Он пишет: "Революция и гражданская война разметали большую часть прежней крупной и средней буржуазии, лишив ее средств производства и поставив перед необходимостью или эмигрировать, или капитулировать перед Советской властью. Новые же предприниматели являлись в своем большинстве

выходцами из мелкобуржуазных слоев, часть которых стала маться нелегальной торговлей и промыслами еще в период военного коммунизма. Немало среди них было различных деклассированных элементов, по различным причинам отошедших в годы хозяйственной разрухи от своего класса.» (11)

По нашему мнению, предпринимательская инициатива бывших буржуазных слоев общества не проявилась в годы нэпа по ряду причин. С одной стороны, они в наибольшей степени подвергались экспроприации и давлению со стороны властей, вся их жизнь находилась под контролем, если не правоохранительных органов, то "доброжелателей" наверняка. С другой, надежда на эмиграцию или скорое свержение большевиков, приводило «бывших» к пассивности в экономической сфере. Предпринимательская деятельность в условиях Советского режима, могла расцениваться многими, как пособничество враждебной власти. Несомненно, сказалась и традиционная слабость российской буржуазии, не сформировавшейся к началу XX века как полноценный и самоопределившийся слой общества.

Среди новоявленных торговцев были и потерявшие работу промышленные рабочие, крестьяне, ушедшие на поиски заработка в города, и чиновники, чьими услугами не торопилась воспользоваться новая власть, считая их неблагонадежными. Практически все социальные группы были представлены. Брошенные по необходимости в торговую деятельность во времена военного коммунизма, наиболее удачливые из предпринимателей оставались на плаву и в годы нэпа. Именно наиболее инициативные и занялись налаживанием связей хозяйственного механизма, как правило, используя благоприятную ситуацию, обогащаясь за счет государства.

Несомненный интерес представляют данные о социальном составе торговцев. За неимением обобщающих статистических данных по Уралу, приведем сведения по Петрограду на 1 июня 1922 г., которые, по нашему мнению, верно отражают общую тенденцию. Итак, среди лиц занимающихся торговлей, бывших торговцев было 26,2%, домашних хозяек - 28,4%, ремесленников - 13,4% и служащих - 5,7%. (12) О том, что эти данные отражали устойчивую тенденцию, свидетельствуют статистические сведения по всей стране за более поздний период. По данным экспедиционных обследований торговли 1927 и 1928 годов, нэпманская торговая буржуазия состояла почти на 2/3 из «новых» людей - выходцев из различных классов и групп. Торговля была той нишей, куда на время забивались деклассирован-

ные элементы, где они имели время для адаптации к новым условиям жизни. Старые торговцы, по данным обследований, составляли всего 28,7%, крестьяне 22,8%, торговые служащие - 13,4% и домашние хозяйки - 7,4%. Однако, среди владельцев оптовых заведений торговцев с дооктябрьским стажем было свыше 51%, полуоптовых - 44,5%, а среди владельцев крупных розничных магазинов - 39,3%. Много было в их числе и бывших торговых служащих - 27,2% от всего состава оптовиков. (13) Следовательно, сила традиции и навыки, позволяли купцам и приказчикам более эффективно организовать распределение. По видимому, сказывалось наличие частично сохранившихся коммерческих связей и клиентуры.

Дефицит материалов относительно социального облика частного торговца на Урале, заставляет обращаться к личным делам лишенцев. Работа над анкетами не закончена, но некоторые даные уже можно использовать. Как правило, с просьбой о восстановлении в правах обращались мелкие и средние торговцы, так как они имели больше шансов получить положительный ответ, с одной стороны, и, с другой, были слабы экономически, поэтому ущемление в правах лишало их средств к существованию.

Среди этой категории предпринимателей, большинство составляли выходцы из крестьянских семей, как правило бедняцких и середняцких. (По данным анкет 97 случаев из 171 рассмотренного. И лишь один лишенец имел кулацкое происхождение.) (14) Другие лишенцы были выходцами - из рабочих 21 человек, 7 из семей служащих, 5 из среды кустарей и ремесленников. Только два человека имели собственную торговлю до 1917 года. (15)

Данные анкет показывают, что прошлая деятельность некоторых лишенцев была напрямую или косвенно связана с торговлей и распределением. В 18 случаях граждане служили приказчиками или учениками в магазинах еще до 1917 года. 23 лишенца уже в советское время до периода самостоятельного ведения торговли, работали в кооперативных или государственных торговых заведениях. Однако, подавляющее большинство - 115 человек - ранее не были связаны с торговой деятельностью. Как правило, основную массу составляли деклассированные элементы (под эту категорию подпадало чуть ли не все население России), в условиях товарного голода занимающиеся самообеспечением. Преобладание крестьянства объясняется, с одной стороны, наличием продуктов, предназначенных для продажи, с другой, особым психологическим складом, привычкой полагаться на самого себя в условиях натурального хозяйства. Городское население

ние, в этом отношении, по-казало себя более зависимым от разного рода внешних факторов.

В составленной нами анкете, использовавшейся для анализа личных дел лишенцев, стоял вопрос о причинах начала торговой деятельности. Традиционная точка зрения заключалась в том, что торговца, как типичного представителя мелкобуржуазной среды, толкала к предпринимательству жажда наживы, стремление улучшить свое положение за счет окружающих. Несомненно, что прибыль и доходы являлись основными побудительными мотивами для торговли. Однако столь массовое явление как частная торговля 20-х годов, не может быть объяснено лишь этими причинами. Для подавляющего большинства занятых этой сферой деятельности она позволяла элементарно выжить. В уже цитированных нами анкетах округов, посвященных частной торговле, приводятся следующие замечания: "...по условиям времени можно открыть торговлю, имея совершенно незначительный капитал вроде хотя бы шубы: реализовав эту шубу, гражданин берет патент, приобретает на несколько рублей товару и пробует свое счастье или по легкомыслию или чаще всего гонимый безработицей и невозможностью прокормиться иным способом.» (16)

Именно безработица являлась основной причиной начала торговли, именно об этом свидетельствуют материалы дел лишенцев. Приведем перечень причин, встреченных нами в архивных материалах, (в порядке убывания): в связи с потерей работы (30 случаев), с целью повышения эффективности своего хозяйства (19), большая семья, много нетрудоспособных (16), потеря кормильца (10), временная нетрудоспособность (10), разорение хозяйства в результате несчастного случая или стихийного бедствия (9), с целью реализации излишков основного производства (8), тяжелое материальное положение (5), сочетание нескольких вышеперечисленных причин (13). В 25 делах не содержится сведений о причинах начала торговой деятельности. Отметим, что причины негативного характера преобладают над позитивными. К последним мы относим повышение эффективности своего хозяйства и реализацию излишков основного производства. Это подтверждает тезис о вынужденном, невольном обращении большинства граждан к занятию торговлей.

При анализе дел лишенцев, обращает на себя внимание высокая мобильность населения в профессиональной сфере. Место работы граждане меняли неоднократно на протяжении непродолжительного времени. Так, 115 дел из 171, несут информацию о смене профессии.

49 граждан не меняли работу после 1917 года (в основной массе это крестьяне), а в 7 случаях информация отсутствует. В частности, один раз меняли работу 15 человек, дважды - 23, трижды - 33, четыре раза - 18 и более четырех раз - 23. Порою человек был вынужден заниматься совершенно новым для себя делом, не имея к этому подготовки и навыков. Торговля для многих из них была лишь эпизодом в тяжелом процессе адаптации. Сроки ведения торговли встречаются самые разные - от трех дней до пяти лет и более. При этом продолжительные сроки встречаются реже. Налицо обратная зависимость, - с увеличением срока торговли снижается количество случаев.

Попытки проследить национальный состав торгующих не дали достаточно репрезентативных результатов. Даже в предложенных органами власти анкетах не всеми заполнялась графа «национальность». По-видимому, сказывались широко пропагандированные новой властью идеи интернационализма. До Октября 1917 года население подразделялось не по национальному признаку, а, как правило, по конфессиональному, поэтому встречаются варианты ответов: "православный", "мусульманин". В большинстве же случаев, по той или иной причине, информация отсутствует (108 дел). В 27 делах торговцы были русскими, в 10 татарами, в 11 евреями, еще в 15 случаях содержится информация о принадлежности к национальным меньшинствам, без указания конкретной нации.

Одной из самых интереснейших частей личного дела лишенца является заявление бывшего торговца. В нем отчетливо проступает «лицо» автора, его представления. Необходимо помнить однако о цели написания заявления - восстановление прав. Этим объясняются попытки придать факту торговли незначительность и его преходящий характер. В заявлениях, исходящих от неграмотного человека, несомненно присутствует авторская позиция, но скорректированная личными взглядами писаря.

В его праве было указать лишенцу, что и как следует писать, как преподнести обстоятельства дела в более выгодном для просителя свете. Во многих заявлениях бывших торговцев присутствует ощущение двойственности своего положения. С одной стороны, государство разрешило торговать, с другой, наказывает за это своих граждан, лишая избирательных прав. Правительственная политика, *Линия партии* изменялись так быстро, что консервативное, инерционное в сравнении с ними человеческое мышление не успевало перестроиться. Новые лозунги порой входили в противоречие со здравым смыслом и нуждались лишь в вере, а не в осмыслении. Строки заявлений

свидетельствуют об этом. (При цитировании написание источника сохранено.) Банных Павел Тимофеевич писал: "Как в то время было свободно можно - торговали многие и продавали по новым ценам. (То есть занимались перепродажей -К.А.) Благодаря экономических условий, я соблазнился 27 году поторговать мукой по предложению кооперации, последняя вероятно сама не могла заготовить и искала посредников как это и было до чистки, и по глупости втесался в такое дело, но без своего капитала, которого не имел и не имею..." (17)

Строки из заявления Батуева Павла Ивановича: "Правительство обратилось к населению за помощью. Совет Народных комиссаров, если вы еще не забыли то, издал приказ об организации кустарного промысла, была разрешена частная торговля. Ведь в тот период, как раз кооператива еще не было, а районные лавки еле дышали. Создавались на правах конкуренции лавки различных организаций. В тот период правительство не говорило об избирательных правах, тогда избирательных прав лишались только «бывшие люди». И действительно, когда я принимал участие в торговле, то я не был лишенец, а когда стал работать, то меня лишили избирательного права." (18) Трудной для понимания граждан являлась сама процедура лишения, следовавшая порой с большим опозданием за периодом занятия торговлей.

Не многие отваживались отстаивать свою точку зрения, указывая на противоречия в правительственной политике и доказывая пользу частного предпринимательства. Интонации и сам характер заявлений такого рода являются исключением из общего правила. Иван Дмитриевич Беседин справедливо отмечал: "...как государственные так и общественные платежи и повинности выполняю без замедления, считая, что аккуратность моя в платежах должна служить на пользу нашему государству. И вот, по своему мнению торгуя мясом, я считаю, что *не вред приношу государству, а скорее пользу и одновременно удовлетворяю потребности населения* (выделено нами - К.А.), ибо если не я, то все равно, кто-нибудь другой занялся бы этим делом. При том в торговле моей участвую только я один, наемных рабочих я не имею и думаю, что торговля моя есть подсобный промысел в хозяйстве и лишать меня за это права голоса безрас-судно." (19)

Подавляющее большинство лишенцев в своих заявлениях давали негативную оценку частной торговле, отрицая ее социально-значимую функцию. Они писали все то, что, по их мнению, могло благоприятно сказаться на исходе дела. Яркую характеристику дал

Павел Дмитриевич Акулов: "Частная торговля, как говорится, зараза - заразился и я..." (20)

Практически все жалобщики тяжело переживали лишение избирательных прав, так как наряду с экономическими тяготами они испытывали на себе прессинг морально-этического свойства. Вот строки из заявления Цивы Касризлевы Бергер: "...прошу снять с меня это «позорное пятно» лишения, абсолютно не заслуженное приняв во внимание, что лишена я права гражданства лишь за шестимесячную торговлю, что эта торговля происходила семь лет тому назад (а тогда торговля в СССР даже поощрялась)..." (21)

Помимо оценки деятельности властей самими лишенцами, в материалах дел содержатся сведения о лояльности граждан к существующему режиму. В случае, если поселковый или районный Совет давал отрицательную характеристику - "не лоялен". "враждебен", путь к восстановлению был практически закрыт. Напротив - проявление лояльности, признание своих ошибок, заблуждений, приведших к занятию торговлей, давало шанс на благополучный исход дела.

Встречались, однако, и усредненные характеристики. Так в справке сельсовета, выданной Белозерову Феопенту Филипповичу, говорилось, что «он относится ко всем проводимым кампаниям советской власти по среднему. То есть по займу индустриализации был хорошим распространителем, а по самообложению был против...» (22) За этими строками видится образ русского мужика, который готов поддерживать власть до тех пор, пока дело не коснется его кармана, его личных интересов. Привыкшего хитрить в отношениях с властью.

Личные дела лишенцев, если подходить к ним с нравственных позиций, содержат не только информацию, но и сильный эмоциональный заряд. Так например, встречаются трагические каламбуры. Женщина, немая от рождения просит вернуть ей право голоса. Правление колхоза поддержало ее ходатайство, мотивируя это следующим образом: "Так как она совершенно говорить не может (немая) потому в колхоз «Верный путь» её принять ...так как она агитация между колхозниками провести не сможет." (23)

Лишение избирательного права влекло за собой тяжелые последствия для человека, еще в большей степени дробило социальную структуру общества, ширило ряды деклассированных элементов. Возрастала роль маргинальных слоев, полностью утративших связь со своим прошлым, более того, стремящихся забыть его. Именно эти слои служили удобным материалом при строительстве

государства тоталитарного типа.

Прослеживая дальнейший путь лиц занимавшихся в прошлом частной торговлей, можно сделать вывод о существенных изменениях произошедших -, как в отдельных судьбах, так и в социальном организме в целом. Как правило, положение бывших торговцев ухудшалось. В коллективной монографии, посвященной социальным проблемам советского общества, приводятся данные о дальнейшей судьбе бывших торговцев. (23) (Данные помещены в таблице N 11 Приложения.) Среди них лишь малая часть предпринимателей продолжала заниматься торговлей по твердым ценам - 2%, торговым посредничеством - 0,6% бывших торговцев или стали владельцами и совладельцами промышленных предприятий - 2,8%. Очень разнородной предстает группа «проживающих свои капиталы» (6,4%), к которой по-видимому относятся не только «сытые нэпманы», но и безработные. Наибольшую группу составляли перешедшие на работу в сельское хозяйство и прочие (31%). 24% из общего числа бывших торговцев «выбыли в другую местность». Это были, по официальной формулировке - "занимающиеся нелегальной деятельностью, неразъясненные, не имеющие определенных занятий и т.п." По мнению Л.Ф.Морозова, большинство из них рассыпалось по стране, нередко скрывая свое социальное положение и занимаясь хищнической деятельностью. Репрессированные (осужденные к заключению, высланные), по мнению Л.Ф.Морозова, составляли среди нэпманов в конце 20-х годов незначительную долю (в среднем 4-5%). Лишь в Москве и некоторых других городах этот показатель был выше среднего (7-8%). (25) Эти данные позволили автору сделать вывод о ненасильственных методах вытеснения частного капитала. С этим положением трудно согласиться.

Значительная доля «выбывших в другую местность», по нашему мнению, объясняется последствиями целой системы репрессивных мероприятий по отношению к бывшим торговцам. Именно невозможные условия жизни заставляли человека срывать с места. Теряя избирательное право, он терял работу, не мог выступить в колхоз и прочее. В число выбывших входили торговцы высылаемые из мест своего постоянного проживания и подвергшиеся конфискации имущества, осужденные. Это еще раз доказывает, что репрессивные мероприятия властей носили массовый и планомерный характер.

При обработке личных дел лишенцев, была сделана попытка ответить на вопрос о характере деятельности жалобщика на момент написания заявления. Лишь один гражданин (напомним, из 171 дела)

по прежнему занимался торговлей. Наибольшее количество лишенцев было занято в сельском хозяйстве, вернувшись к прежней деятельности. Многие из них и не прерывали связи с деревней. Из 171 лишенца, 48 работали на селе и имели свое хозяйство, 6 - трудились по найму, 7 - занимались ремеслом в деревне, 3 - совмещали хлебопашество с другими видами деятельности. Итого на селе осело 64 человека. Работой по найму в городе было занято 22 бывших торговца, 18 - занимались ремеслом, 14 - работали в промышленности и 17 состояли на государственной службе. Этой группе сильно повезло, так как лишенные избирательных прав терял и работу в первую очередь. Среди работающих на государственной службе - большинство имело специальное образование и в их услугах особенно нуждались. Безработными оказались 14 человек, 11 находились на иждивении других лиц и 2 на пенсии. Один из лишенцев служил в ар.ли, а на четверых нет сведений. Расклад довольно-таки благоприятный, так как сельское хозяйство давало минимальные средства к существованию. Однако, невозможность вступить в колхоз, положение отщепенца - влекли за собой последующие репрессии, как-то: раскулачивание, высылку, конфискацию имущества, скота и прочее. С усилением репрессивных мероприятий властей в конце 20-х годов, многие из бывших торговцев рисковали потерять работу.

Эти причины служили побудительными мотивами для возбуждения ходатайства о восстановлении в избирательных правах. Дополнительные данные о занятиях бывших торговцев, можно получить вновь обратившись к таблице N 9 Приложения. Среди выявленных нелегальных торговцев в 30-е годы, бывшие торговцы стояли на третьей позиции, уступая по численности рабочим и служащим, а также крестьянам-единоличникам. Лишь кустари оказались менее активны, чем бывшие частные предприниматели. Вновь налицо замена субъектов торговой деятельности, в которую включаются «новые» социальные группы, классы советского общества - рабочие и крестьяне. Это происходит за счет вытеснения «бывших» мелкобуржуазных элементов: Используя выражение бывшего торговца П.Д.Акулова, «зараза» частной торговли распространилась и на классы, считавшиеся опорой нового режима.

Вследствие ликвидации частной торговли и вольного рынка, на черном, нелегальном рынке начинают действовать субъекты рабоче-крестьянского происхождения. С ликвидацией предпринимателей эпохи нэпа, конечно сократился размах альтернативной государственной сети распределения, но суть её осталась прежней - приобрес-

ти необходимый товар за деньги. В условиях советской действительности уравнилительное распределение для большинства населения сочеталось с системой кормлений, льгот и привилегий для зарождающейся правящей группы. Формировался, таким образом, при непосредственном участии государства еще один «черный» рынок. Он действительно являлся «черным», так как был абсолютно недостижим для широких слоев населения. Нелегальный и легальный «черные» рынки успешно сосуществовали и взаимодополняли друг друга на протяжении всей советской истории. Таким образом, можно говорить о ситуации, когда на новом витке истории происходило копирование социальной структуры классового общества, преломленной сквозь призму нового государства.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономический эксперимент, начавшийся в 1921 году и постепенно сошедший «на нет» к концу 20-х годов, дал пример сосуществования, отнюдь не мирного, различных экономических укладов общества. Помимо государственного и кооперативного секторов экономики существовал третий участник рынка - частник, который постепенно оказывался в качестве «третьего лишнего».

Частное предпринимательство возрастало, в абсолютном своем большинстве, на средствах, перекаченных из государственного сектора. Волна экспроприаций почти полностью лишила буржуазию её средств. К отличительным чертам уральского региона относился дефицит капиталов как до, так и после Октября 1917 года. По этой причине, а также из-за сложившегося дисбаланса в структуре производства в сторону отраслей тяжелой промышленности, Урал, более чем другие регионы, переживал кризисы в системе распределения. Подавляющее большинство товаров широкого потребления ввозилось из других частей страны, что накладывало дополнительную нагрузку на торговлю края.

В этих условиях возрастала роль частной торговли, которая, однако, в силу идеологических установок не получала достаточного развития. Мощные государственные инвестиции, направляемые на Урал с целью развития стратегических отраслей промышленности, частично переключивая в карман рабочего в виде заработной

платы, и не находили себе применения из-за товарного голода, который был необычайно силен в регионе.

Частная торговля советского периода имела существенные отличия от своего дореволюционного аналога. Она концентрировалась у источников поступления товаров - в городах. По своему характеру она была чрезвычайно распылена, в основе своей мелкая, розничная. Торговая сеть существенно сократилась, не достигнув к 1927 году уровня 1912 года.

Мероприятия властей, направленные на регулирование распределения, зачастую проводились без экономического обоснования и без учета региональной специфики, что неизбежно усугубляло кризисные явления в хозяйстве страны.

Рыночные механизмы на всем протяжении нэповского десятилетия не работали в полной мере. Государство доминировало во всем, используя идеологические, правовые рычаги. Льготы для кооперативных и государственных организаций ставили частника в неравное положение, исключая рыночную конкуренцию. Это вынуждало искать новые рынки, проникать в самые отдаленные районы, модифицировать формы и методы своей деятельности.

Несомненно, частная торговля выполняла социально значимую функцию, так как брала на себя, с одной стороны, снабжение населения товарами, с другой осуществляла связь между мелкими производителями и потребителем. Именно благодаря частному посредничеству кустари и ремесленники могли продолжать свою деятельность. Россия, как известно, являлась страной мелких производителей, поэтому мелкие и мельчайшие формы торгового посредничества в наиболее полной форме соответствовали структуре хозяйства страны.

Частная торговля давала также возможность миллионам граждан получить средства к существованию. В период экономического кризиса, во времена структурных изменений в хозяйственном механизме и социальной сфере, практически все население становилось маргинальным, оказывалось выброшенным из привычной социальной ниши. Для них был необходим период адаптации к новым условиям, источник существования на этот период. Торговая деятельность не требовала ни значительных капиталов, ни высокой профессиональной квалификации. Если учесть кустарей и ремесленников, вовлеченных в сферу деятельности частной торговли, и обрзовывавших «замкнутый круг капиталистического производства», то количество людей получивших работу было чрезвычайно велико.

Таким образом, роль частного сектора в нейтрализации негативных последствий безработицы трудно переоценить.

Рассматривая вопрос о характере вытеснения частного посредника из оборота, делается вывод о насильственном характере этого процесса, не оправданного экономической целесообразностью.

Специфика взаимоотношений частного торговца и окружающего мира формировала особые психологические типы предпринимателей. Они постоянно испытывали двойственность своего положения. С одной стороны, государство разрешило торговать, с другой наказывало своих граждан за такого рода деятельность. Объективно власти нуждались в услугах частных посредников, берущих на себя те функции, с которыми государство не было в состоянии справиться. Но идеологический императив с неизбежностью возрождал тезис о порочности частного предпринимательства. Государственная торговля, получавшая эпитет «социалистическая», при всех её недостатках, наделялась положительными качествами. Ей противопоставлялась стихия рынка как носительница всего негативного и темного. Частник был поставлен по другую сторону идейных баррикад. В массовом сознании культивировался миф о эмпане, наживающимся за счет несчастий большинства населения. Недовольство народа направлялось властями против «новых богатых», именно их обвиняли во всех неудачах. С другой стороны, проявление народного гнева позволяли властям проводить более энергичную борьбу с частником.

Репрессивные мероприятия приводили к свертыванию торговой деятельности в легальных формах, к её переходу на принципы функционирования черного рынка. В сферу его деятельности активно вовлекались не столько бывшие торговцы, сколько класс гегемон - пролетариат.

Спектр репрессивных мероприятий, направленных против бывших торговцев, был довольно широк. Это - лишение избирательных прав и следовавшие за этим запреты и ограничения, ставившие человека вне общества; конфискация имущества; высылка за пределы района или области постоянного проживания; наконец, с развертыванием механизма репрессий, - судебное преследование и как результат - принудительные работы или высшая мера наказания.

Эти действия властей были направлены на то, чтобы человек полностью признал ошибочность и порочность своей торговой деятельности, целиком и полностью влился в единый хозяйственный механизм страны, стал винтиком. Человек не только отказывался от своего прошлого, он всячески стремился забыть его. Такого рода

«человеческий материал» был необходим партии, находившейся у власти, для строительства государства тоталитарного типа. Последний выплеск предпринимательской активности, пришедшийся на годы нэпа, был таким образом потушен, и предпринимательская инициатива находила выход, как правило, в сфере теневой экономики.

Сегодня вновь появился шанс изменить сложившиеся условия жизни, во-многом изменить ментальность советско-российского общества. На пути к этой цели необходимо осмысление опыта прошлого. Не надо бояться оглядываться назад.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ПРИМЕЧАНИЯ

К ЧАСТИ ПЕРВОЙ

1. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927.-С.6.
2. Килин А.П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох (опыт сравнительного социально-психологического анализа). // В печати
3. Мингулин И. Пути развития частного капитала. М., Л., 1927.-С.141.
4. Ларин Ю. Указ. соч.-С.5.
5. ГАСО. Ф.241-р. Оп.2. Д.2732. Л.92.
6. Там же. Л.91.
7. Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927.-С.57-58.
8. Брауде Х.И. Частная торговля./ Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. М., Ч. I.-1927.-С.124-125.
9. Там же, С.125.
10. ГАСО. Ф.241-р. Оп.2. Д.2732. Л.92.
11. Антонов Д. Уральский торговый аппарат. // Хозяйство Урала.-1928.-N 5-6.-С.35.
12. Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала. // Хозяйство Урала.-1928.-N 5-6.-С.21.
13. Там же.
14. Там же, С.24.
15. Озерский П. Аппарат и обороты частной торговли. // Социалистическое хозяйство.-1926.-Кн. III.-С.143-144.
16. Попов Г.М. Цены и накладки частной торговли./ Частная торговля Союза ССР. Сб.ст. под рук. Л.Б.Залкинда. М., 1927.- С.143.
17. Антонов Д. Указ. соч.-С.43.
18. Исупов Г. Указ. соч.-С.22.
19. ГАСО. Ф.241-р. Оп.2. Д.2732. Л.92.
20. Там же.
21. Исупов Г. Указ. соч.-С.23.
22. Там же, С.25.
23. ГАСО. Ф.241-р. Оп.1. Д.526. Л.4.
24. Стариков А.И. Торговые расходы в частной торговле./ Частная торговля Союза ССР.-С.80.
25. Исупов Г. Указ. соч.-С.30.
26. Попов Г.М. Указ. соч.-С.149.

К ЧАСТИ ВТОРОЙ.

1. Демчик Е.В. Частный капитал города в 1927-30 гг.: вытеснение или ликвидация? // Вестник ЛГУ.-1990.-Вып.1(N2).-С.18.
2. Там же, С.21-22.
3. Архипов В.А. Этапы и методы регулирования частного торгового-промышлен-

ного предпринимательства./ Экономическая политика советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986.-С.119.

4. Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. Свердловск, 1987.-С.146.

5. Пути развития; Дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий./ Сост.: Э.П.Корицкий.-Л., 1990.-С.32

6. Зиновьев И. Теория «отчаянной борьбы» Евгения Преображенского.// Уральские нивы.-1990.-N10.-С.14.

7. Архипов В.А. Указ.соч.-С.120.

8. Материалы XI съезда РКП(б)./ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.М., 1983.-Т.2.-С.496.

9. См.: Промысловый налог. Обложение патентным сбором. М., 1926.

10. Архипов В.А. Указ.соч.-С.122.

11. Там же, С.123.

12. Куликов В.М. Указ.соч.-С.144.

13. Архипов В.А. Указ.соч.-С.125.

14. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967.-Т.1.-С.483.

15. СЗ., 1925, N 32.-С.213; N 25. Ст.168.

16. КПСС в резолюциях...Т.4.-С.147.

17. Архипов В.А. Указ.соч.-С.127.

18. КПСС в резолюциях...Т.4.-С.262.

19. Архипов В.А. Указ.соч.-С.129.

20. там же.

21. Куликов В.М. Указ.соч.-С.157.

22. КПСС в резолюциях...Т.4.-С.263.

23. Нефедов И. Как регулируется торговля на Урале.// Хозяйство Урала.-1924.-N21.-С.28.

24. ГАСО.Ф.241-р.Оп.2.Д.2780.Л.58.

25. Куликов В.М. Указ.соч.-С.143.

26. Там же.

27. Там же, С.147.

28. Там же, С.148.

29. ГАСО.Ф.593-р.Оп.1.Д.49.Л.16.

30. ГАСО.Ф.339-р.Оп.2.Д.795.Л.44.

31. Там же, Л.77.

32. Там же, Л.115.

33. Там же, Л.72.

34. Там же, Л.49.

35. Там же, Л.122.

36. Там же, Л.115.

37. Там же, Л.72.

38. Там же, Л.49.

39. Там же, Л.Л.65;77;122.

40. Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927.-С.33.

41. ГАСО.Ф.88-р.Оп.1.Т.1.Д.610.Л.16.

42. Там же, Л.55.
43. Там же, Л.57.
44. Там же.
45. Там же, Л.58.
46. Там же, Л.59.
47. Микоян А. Внешняя и внутренняя торговля СССР.М.,1927.-С.45.
48. Хозяйственный механизм новой экономической политики (По материалам 20-х годов).Сб.обзоров.ИНИОН АН СССР.М.,1990.-С.93.
49. Архипов В.А. Указ.соч.-С.126.
50. ГАСО.Ф.241-р.Оп.2.Д.2732.Л.102.
51. ГАСО.Ф.88-р.Оп.1.Т.1.Д.610.Л.66.
52. Там же, Л.67.
53. Там же, Л.59.
54. Там же.
55. Там же, Л.67.
56. Там же.
57. Там же, Л.60.
58. Рожанский А. Частный капитал в Курганском округе.// Хозяйство Урала.-N 2-3.-1927.-С.209.
59. ГАСО.Ф.241-р.Оп.2.Д.2732.Л.91.
60. Там же, Л.100.
61. Там же, Л.101.
62. ГАСО.Ф.88-р.Оп.1.Д.2839.Л.2.
63. Там же.
64. Там же, Л.4.
65. Там же, Л.7.
66. Там же, Л.6.
67. Куликов В.М. Указ.соч.-С.155.
68. Там же.
69. Там же, С.161.
70. Там же.
71. Там же, С.152-153.
72. Там же, С.163.
73. Там же, С.159.
74. ГАСО.Ф.593-р.Оп.1.Д.80.Л.12.
75. Там же.
76. Там же, Л.13.
77. Там же.
78. Там же.
79. С.У.-1926.-N 577.-Ст.14-16.
80. ГАСО.Ф.88-р.Оп.Д.488.Л.13.
81. ГАСО.Ф.88-р.Оп.6. и Оп.7.
82. С.У.-1926.-N 577.-Ст.19.
83. С.У.-1930.-N 233.
84. Там же, п.9.
85. ГАСО.Ф.88-р.Оп.6.ДД.474:497.

К ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ.

1. М.С. Торговля Уральской области.//Уральский коммунист.-1923.-N 11-12.-С.27.
2. Цит.по:Alan M.Ball.Russia's Last Capitalists: The Nepmen,1921-1929.Berkely-Los Angeles-London:University of California Press, 1987. P.15.
3. Ibid. P.15-16.
4. Ibid. P.6.
5. Подробнее о В.Серге см.:Фокс. Троцкий и его последователи.// Вопросы истории.-1992.-N 11-12.
6. Alan M. Ball. Op.cit. P.6-7.
7. Ibid. P.7.
8. Антонов Д. Уральский торговый аппарат.//Хозяйство Урала.-1928.-N 5-6.-С.54.
9. Там же.
10. Alan M. Ball. Op.cit. P.15.
11. Изменение социальной структуры советского общества (1921-сер. 30-х годов).М.,1979.-С.116.
12. Там же, С.116-117.
13. Там же, С.117.
14. ГАСО.Ф.88-р.Оп.6.Д.36.
15. ГАСО.Ф.88-р.Оп.Д.Д.152;181.
16. ГАСО.Ф.339-р.Оп.2.Д.795.Л.76.
17. ГАСО.Ф.88-р.Оп.6.Д.487.Л.22.
18. ГАСО.Ф.88-р.Оп.6.Д.556.Л.14.
19. ГАСО.Ф.88-р.Оп.7.Д.221.Л.Л.3-4.
20. ГАСО.Ф.88-р.Оп.6.Д.93.Л.3.
21. ГАСО.Ф.88-р.Оп.6.Д.728.Л.4.
22. ГАСО.Ф.88-р.Оп.7.Д.361.Л.3.
23. ГАСО.Ф.88-р.Оп.8.Д.705.Л.9.
24. Изменение социальной структуры... С.129-130.
25. Там же, С.130.

Т А Б Л И Ц Ы

Таблица N 1.

Общие и средние размеры оборотов частно-торговых предприятий СССР во II полугодии 1924/25 г.*
(в тыс.руб.)

Название районов и республик	Обороты предприятий обложенных во II полугодии	Средние размеры оборотов на одно предприятие		
		% к итогу СССР	Внегородских по всем % к сумме предпр.	По внегородским предприятиям
Центрально-земледельческий	5,8	21,2	3,6	2,1
Центрально-промышленный	26,7	7,9	11,6	3,7
Приозерный	7,7	8,0	7,1	2,9
Северный	0,5	14,6	5,9	2,8
Средне-Волжский	5,2	23,7	3,8	1,9
Нижне-Волжский	1,8	12,0	4,7	2,2
Западный	2,4	16,6	4,0	2,7
Северо-Кавказский	8,0	26,6	4,9	3,4
У Р А Л	3,8	22,9	3,6	2,2
Сибирь	2,2	26,0	3,8	2,7
Казахстан	0,8	10,2	2,9	1,5
Оренбургская губерния	0,5	9,4	3,8	2,7
Дальне-Восточная область	1,6	17,1	4,1	3,1
Крым	1,3	8,6	4,6	2,4
Монголо-Бурятская АССР	0,1	25,6	2,4	1,9
Киргизия	0,2	27,4	1,1	1,3
РСФСР / 75 адм.ед./	68,4	14,7	5,7	2,6
УССР	19,5	16,8	4,4	2,5
БССР	2,3	3,6	3,5	1,7
РСФСР	4,5	11,3	3,4	1,4
Туркменская ССР	0,7	14,5	3,2	2,1
Узбекская ССР	4,6	17,5	2,4	1,2
И Т О Г О по СССР /123 адм.ед./	100%	14,8	4,9	2,4

* Озерский П. Аппарат и обороты частной торговли.// Социалистическое хозяйство.-1926.-Кн. III.-С.143-144.

Таблица N 2.

**Удельный вес частно-капиталистического торгового аппарата и
крупность частных предприятий по округам в 1925/26 г.***

Округа	Всего торговых предпр. на IX.26г.	В т.ч. частных пред- приятий	Удельный вес част- ных пред- приятий за 25/26г. /тыс.руб./	Оборот частников	На одно предприя- тие
В.Камский**	661	248	38	1976	8,0
Златоустовский	733	407	56	5729	14,1
Ирбитский	541	268	50	1441	5,4
Ишимский	710	393	55	3714	9,5
Кунгурский	1622	1049	65	5558	5,3
Курганский	1068	686	64	6322	9,2
Пермский	1902	1099	58	25607	23,3
Сарапульский	1357	852	63	8972	10,5
Свердловский	2681	1770	66	25142	14,2
Тагильский	1306	776	59	9300	12,2
Тобольский	466	286	61	2751	9,6
Троицкий	948	588	62	9032	15,4
Тюменский	1395	849	65	9709	11,4
Челябинский	1519	999	66	9393	9,4
Шадринский	1682	998	59	7821	7,8
По области	18508	11268	61	132467	11,8

* Антонов Д. Уральский торговый аппарат.//Хозяйство Урала.-1928.-N 5-6.С.43.

** Коми-Пермяцкий округ взят вместе с Верхне-Камским.

Таблица N 3.

**Посреднический оборот торговли Урала по секторам.*
(в %)**

Годы	Гостор- овля	Коопе- рация	Частные обороты	Всего в СССР	Частные
1924/25	31,0	52,0	17,0	100,0	27,8
1925/26	30,8	53,4	15,8	100,0	24,8
1926/27	28,5	56,6	14,9	100,0	18,5

* Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала.// Хозяйство Урала.-1928.-N 5-6.-С.24.

Таблица N 4.

**Удельный вес частной торговли Уральской области 1923-1927 гг.
(по городским поселениям и сельской местности) ***

Дата	Города и поселки городского типа			Сельские местности		
	Все заве- дения	В т.ч. частн.	°о частн. дния	Все заве- частн.	В т.ч. °о частн.	°о частн.
1 окт.1923	7790	6860	88,0	4178	2852	68,2
1 окт.1924	6680	5601	84,0	3186	1709	53,6
1 окт.1925	8925	6853	76,8	6639	1594	43,8
1 окт.1926	10006	7272	72,7	8502	2910	47,0
1 окт.1927	-	7460	-	-	4085	-

* ГАСО.Ф.241, Оп.2.Д.2781.Л.2.;Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала.// Хозяйство Урала.-1928.- N 5-6.-С.19.

Таблица N 5.

**Источники поступления товаров в частную торговлю.
По итогам выборочного обследования Уралстатуправления
за 1925/26 гг.***

Приобретено обследуемыми предприятиями внутри области			
Сектор	На сумму/тыс.руб./	%	% за 1926/37 г.
В госпромышленности	670,0	7,5	6,0
В госторговле	3100,7	25,9	23,0
У кооперации	688,3	7,6	6,4
У частных лиц	1987,3	21,9	18,9
У кустарей и ремесленников	1221,2	13,5	23,4
На базаре	2060,7	22,9	22,2
Итого внутри области	9058,2*	100,0	100,0
За пределами области	3249,1	28,0 /по стоимости к приобретенному внутри области/	

* Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала.// ХозяйствоУрала.-1928.-N 5-6.-С.22,29.

Таблица N 6.

**Торгово-организационные расходы частных предприятий,
горрабкоопов и сельпо. (в % к итогу)***

Статьи расходов	Ч а с т н ы е /по разрядам/					Гор- раб- кооп	Сель- по
	5-6	4	3	2	1		
Содержание персонала	25,1	18,9	9,9	0,2	-	33,8	38,7
Командировки, разъезды	3,0	4,3	5,0	3,1	3,8	1,7	5,5
Канцелярские и почто- во-телегр.расходы	5,9	2,8	2,1	0,9	1,6	2,5	2,3
Хранение и переработка	3,5	6,7	2,8	1,6	0,6	7,6	6,9
Стоимость кредита	5,8	3,8	1,0	0,8	-	10,0	7,0
Культ.-просветит.	-	-	-	-	-	0,5	0,5
Скидка приказчику	-	-	-	-	-	5,8	5,3
Разные прочие	4,5	3,8	3,8	4,9	6,0	0,9	7,4
Содержание помещений	20,1	21,7	32,3	38,0	66,0	10,4	6,2
Налоги и сборы	32,1	37,7	43,1	50,5	22,0	26,9	26,1
В С Е Г О	100	100	100	100	100	100	100

* ГАСО.Ф.241.Оп.2.Д.2781.Л.13; Исупов Г. Частный капитал в торговле Урала.// Хозяйство Урала.- N 5-6.-С.32.

Таблица N 7.

**Удельный вес секторов торговли в общем обороте Урала,
1921 - 1924 гг.***

Полугодия	Обороты млн.руб.	Соотношение секторов		
		Госуд.	Кооп.	Част.
Апрель-сентябрь 1921**	1	-	10	90
Октябрь-март 1921/22	5	10	15	75
Апрель-сентябрь 1922	22	32	18	50
Октябрь-март 1922/23	58	40	18	42
Апрель-сентябрь 1923	92	50,8	21,2	28,0
Октябрь-март 1923/24	169	52,9	29,7	17,4

* ГАСО.Ф.241.Оп.1.Д.526.Л.2.

** Исчисления за 1921/22 г. сделаны П.Эвенчиком приблизительно и не могут претендовать на особую точность.

Таблица N 8.

**Число зарегистрированных и выявленных нелегальных
торговых заведений
в городах Свердловске и Перми за 1928-32 годы.***

Категория	Число частных торговых предприятий /зарегистрированных/				Число выявленных нелегальных частно-торговых предприятий**			
	28/29	29/30	31	32	28/29	29/30	31	32-1 кв.
Период	28/29	29/30	31	32	28/29	29/30	31	32-1 кв.
							----- всего IV кв.	
Город:								
Свердловск -	938	246	57	46	325	673	3925	1922 2041
Пермь -	312 ^с	263	85	11	279	380	1289	211 293

* ГАСО.Ф.593.Оп.1.Д.80.Л.12.

** Данные опубликованы. См.: Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элемент на Урале. Свердловск, 1987. С.160.

Таблица N 9.

**Число граждан занятых нелегальной торговлей
по социальным категориям,
за IV квартал 1931 - I квартал 1932 гг.***

Период	IV квартал 1931 года						I квартал 1932 года					
	1	2	3	4	5	Всего	1	2	3	4	5	Всего
Город:												
Свердловск	350	85	20	40	500	995	365	95	33	58	384	935
Пермь	63	42	5	6	127	243	114	27	4	9	201	355

* ГАСО.Ф.593.Оп.1.Д.80.Л.12.

** Категории граждан: 1 - рабочие и служащие;
2 - крестьяне-единоличники;
3 - кустари;
4 - бывшие торговцы;
5 - прочие нетрудовые элементы.

Таблица N 10.

Социальная структура хозяйства Урала. 1923-1927 гг.*

Сектора	Занятое население				Наемная рабочая сила			
	Все насел.	Госуд.	Кооп.	Частн.	Все рабсила	Госуд.	Кооп.	Частн.
Года:	Абсолютные				числа			
1923/24	1652,0	279,2	23,0	1349,8	321,8	279,2	16,0	26,6
1924/25	1811,1	332,6	27,2	1451,3	390,7	332,6	24,5	33,6
1925/26	1977,6	404,9	31,6	1541,1	484,3	404,9	30,6	48,8
1926/27	2074,4	445,4	33,6	1595,4	529,4	445,4	32,7	51,3
	Показатели				структуры			
1923/24	100	16,9	1,4	81,7	100	86,7	5,0	8,3
1924/25	100	18,4	1,5	80,1	100	85,1	6,3	8,6
1925/26	100	20,5	1,6	77,9	100	83,6	6,3	10,1
1926/27	100	21,5	1,6	76,9	100	84,4	6,1	9,5
	Показатели				динамики			
1924/25	109,6	119,1	118,3	107,5	121,4	119,1	153,1	126,3
1925/26	109,2	121,7	116,2	106,2	123,9	121,7	124,9	145,2
1926/27	104,9	110,0	106,3	103,5	109,3	110,0	106,9	105,1

* Хозяйство Урала.-1928.- N 15-16.-С.196.

Таблица N 11.

**Основные направления
социальной мобильности нэпманской буржуазии города
(по 12 крупным городам СССР)за 1928-1929 год.***

Новые занятия нэпманов, ликвидировавших дело	Численность	В % к итогу
Стали вновь владельцами и совладельцами промышленных предприятий	950	2,8
Торговали по твердым ценам	689	2,0
Занимались торговым посредничеством	201	0,6
Перешли в кустарно-ремесленную промышленность	4169	12,2
Проживали свои капиталы	2186	6,4
Оставались на иждивении других лиц	2914	8,5
Вошли в промысловую кооперацию	1167	3,4
Выбыли в другую местность	8370	24,5
Перешли в сельскую местность и прочее	11100	31,0

* Изменение социальной структуры советского общества:(1921- середина 30-х годов).-М.,1979.-С.129.

Таблица № 12

Доля частного в обороте ряда бирж в 1924-25 г.*

(в %)

Дата	В покупке				В продаже	
Биржи:	Московская 70 провинц. Уральск. Московская 70 провинц.Уральская					
I кв.1924-25	5,8	7,8	2,0	3,7	5,3	0,9
II кв.1924-25	7,1	9,8	2,8	4,2	5,4	1,0
III кв.1924-25	9,4	12,2	5,0	4,7	4,6	2,3
IV кв. 1924-25	6,3	10,2	3,9	3,7	4,8	2,1
I кв. 1925-26	4,3	10,4	4,4	4,1	6,2	2,3

* Петец Б. Размеры частной торговли // Торговый бюллетень Уралвнутриорга и Уралстатбюро. - № 26 (121).- С.5.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение.....	3
Частная торговля Урала в системе связей изповской экономики.....	5
Политика государственного регулирования частного торгового предпринимательства.....	20
Социальные аспекты частного торгового предпринимательства.....	50
Заключение.....	64
Приложение.....	68

Килин Алексей Павлович

**Частное торговое предпринимательство на Урале
в годы нэпа**

Препринт

Рекомендовано к печати Ученым советом

Института истории и археологии и НИСО УрО АН

Лицензия разрешительная № 020764

НИСО УрО РАН № 127 (94)

Подписано в печать 29.08.94.

Формат 60 x 90 1/116

Бумага типографская.

Печать офсетная

Усл.печ.л.: 5,0

Учет.-изд.л.: 3,5

Заказ N 1003

Тираж 200 экз.

Институт истории и археологии УрО РАН

620219 г. Екатеринбург, ГСП-340, ул.Р.Люксембург,56

ЦЕХ № 4 АОФТ "ПОЛИГРАФИСТ" г. ЕКАТЕРИНБУРГ, ТУРГЕНЕВА,20